

29.03.-29.05 +12.06 = 25.06 – 30.09 – 10.10 2022

Леонид Григорьев с участием Гомера

ТРИ СЕСТРЫ – 13 ВЕК ДО ВАШЕЙ ЭРЫ

(Семейная сага - хроника времен Троянской войны)

Действующие лица:

Клитемнестра (Кли) – дочь царя Спарты Тиндарея и Леды – холерик, брюнетка, крупная красавица, взгляд как пращей в лоб, замужем за царем Микен Агамемноном, мать Ифигении и Ореста, лидер в «пятерке» юнцов;

Пенелопа (Пене) – дочь царя Спарты Икария (брат Тиндарея) и нимфы Перибей, чуть флегма, белокожая, каштановые волосы; замужем за царем Итаки Одиссеем (сын Лаэрта и Антиклеи), мать Телемака;

Елена (Лена) – дочь Тиндарея и Леды (Зевса) – сангвиник, блондинка, «себе на уме» (до 12 лет не знает, что она – дочь Зевса), загадочный взгляд синих глаз – неотразим вообще, Афродита обещала ей «большую любовь», замужем за Менелаем царем Спарты, мать Гермiony;

Парис – сын Приама, царя Трои, сангвиник, шатен, изящен, гедонист, не хочет быть царем, уклоняется от войны, художник и поклонник красоты;

Афродита – Богиня любви и красоты, подруга многих, регулярно (ежегодно) с разбитым сердцем, меланхолик, смена настроения (плакса) – см. картины Берн-Джонса (музей Гюльбекияна), покровительница Елены и сестер;

Зевс – Главный бог, принимает много непродуманных и импульсивных решений, нуждается в помощи других богов (среди которых много его детей) для решения отраслевых, региональных или критически важных проблем. отец Елены (в образе Лебеда), симпатизирует Трое;

Леда – царица Спарты – мать 4 двойняшек (Кастор и Кли – от Тиндарея, Полидевк и Лена от Зевса (Лебедь): красавица, Зевсу отказала, страдает от контакта с Зевсом, насадка;

Кастор и Полидевк – братья от разных отцов, заботятся о сестрах, большие друзья - Диоскуры;

Тиндарей и Икарий – спартанские цари, братья, хорошие ребята и отцы (умирают – эпидемия, после замужества сестер, но до бегства Елены и войны);

Одиссей – (+6 лет к Пене) сын царя Итаки (Ставро – дворец), очень хитрый и шустрый брюнет, сангвиник, по натуре – бродяга (на острове - тоска), этакий Фигаро на лодке – никого не убивает в Трое;

Агамемнон – (+6 лет к Кли) старший микенец (сначала изгнанник) – упрямый холерик, грубоват, самонадеян, верит в собственное превосходство, самовлюблен, хочет большой власти, патронирует Менелаю;

Менелай – (+5 лет к Лене) микенец (стал царем Спарты), меланхолик, симпатичный, но слабей брата, комплекс младшего брата, зануда;

Приам – царь Трои: Патриарх, крутой царь, но скуповат

Тесей – из предыдущего поколения героев – победитель Минотавра, кузен Геракла, 50 лет, помпезен, любитель дам, ищет в жены любую дочь Зевса;

Гектор – Наследник царя Трои, командует конницей: обречен на войну

Калхас – Прорицатель Судеб (Гюбрис), но не все сбывается так, как он изначально предрек – под конец он и сам удивляется.

Боги, орлы, цари, рабы, музыканты... рабыни-илотки как говорящее письмо

Содержание:

Акт 1 – «семейная история» - 1280 до Вашей эры (героиням по 8)

Сцена 1 - День рождения = 8 лет – прорицание! (стр. 4)

Сцена 2 – та же терраса через 4 года = 12летие (1276) Тесей и Елена (9)

Акт 2 – «комедия» - 1271 (героиням по 17)

Сцена 3 – Интриги и выбор женихов; свадьбы (17)

Сцена 4 – Итак, 5 лет спустя свадьбы, 1266. (26)

Акт 3 – «трагедия» - 1261 (героиням по 27)

Сцена 5 - 10 лет после свадеб - катастрофа семьи Менелая... (33)

Сцена 6. – Ахейцы идут в Поход – Трагедия Клитемнестры: (45)

Сцена 7 - Осада Трои глазами сестер 1261 –1252

(героиням 27 - 36) (53)

Акт 4 -«драма» - 1252, 1220 (героиням 36... 68)

Сцена 8 – Снова Хаос - Елена и Зевс (59)

Сцена 9 - Гюбрис и Катарсис (64)

Сцена 10 - Эпилог (им по 68) –1220 год, Итака, Ставрос (68)

Морской Дворец спартанских царей

– огромный сад за домом – к суше и по берегу, беседки с видом на море... Главная сцена = вдоль самого дворца уютная терраса. Статуи Зевса с Молнией и Посейдона с трезубцем - на углах к морю, Ареса с копьем и Аполлона с луком - по углам к суше. Артемида с Луком и собакой и Афродита с поясом фланкируют центральный выход из здания. Цветы в деревянных кадках по периметру и поручнях... Деревья нависают, создавая тень. С торцов террасы идут витые широкие лестницы вниз – к морю, на них также цветы, чтобы дети не катались. Пред дворцом – небольшая купальня с восточного крыла, отгороженная забором и деревьями – для дам, туда подходит восточная лестница. Большая же часть прибрежной полосы у дворца и к западу от дворца отгорожена дамбой от волн. Тут причальные деревянные дорожки и столбы – на 12 судов носом к берегу, и одно для царей так, чтобы оно могло чалиться бортом. Лестницы и дамба, причалы украшены морскими обитателями, включая добрую порцию няяд, ветродувов, дельфинов...

Акт 1 – Сцена 1 = День рождения = 8 лет – прорицание!

День рождения принцев и принцесс (1288) = 8-летие в 1280 году. Дворец Тиндарея в Спарте на море. Гости: сам Калхас – прорицатель; Микенские изгнанники с двумя мальчиками, Агамемноном и Менелаем; царь Итаки Лаэрт с женой и сыном Одиссеем (их дворец с колодцем 13 века до н.в.). Царь Трои Приам с принцем Гектором. Многие боги почли за честь или обязанность присутствовать: Аполлон, Афина суровая, Зевс в обличье Аэда, Афродита совершенно счастлива и сидит с девочками как учительница.

Музыка, стол с широкой кухней, музыка и танцуют рабыни.

Учителя за столом хвалят мальчиков за ум, выдержку и боевые искусства. Аэд – учитель (подмененный Зевсом): «Мы всех учим плаванью, греческому, философии, лепке. И большие способности показали: Пене – вяжет и мастер греческого; Кли – историю, религию и замечательно стреляет из лука; Лена – скромная наша – превзошла даже мальчиков в математике и в философии. А в танцах Кли и Лена уже вызывают зависть у профессионалок.»

Боги и цари в общем понимают, кто есть кто, несмотря на искусные обличья. Приам и Гектор выделяются роскошными восточными одеждами и драгоценностями, вызывая косые взгляды микенцев и ахейских царей. Все поздравляют детей и дарят подарки.

Калхас спрашивает детей, что они хотят и кем стать:

- Мальчики – воевать и путешествовать!
- Пене хочет семью и надежность,
- Кли – власть и славу,
- Лена – любовь и безмятежность, обещанная Афродитой

Поздравления от Царей, Зевса = Аэда, Афродиты.

Афина поздравляет, но намекает, что ее статуи тут нет, Тиндарей обещает поставить (видимо, забывает потом).

Переодетый Зевс сомневается, что каждой по две мечты – реально, но желает, чтобы все сбылось! Калхас говорит примерно также, но его фразы еще надо истолковывать... Он дарит трех одинаковых кукол, которые в руках девочек становятся похожими на них! Они меняются, но куклы опять становятся похожими на них: «Как эти куклы похожи на вас, так и ваши судьбы определены судьбой, но вы еще малы возрастом и все, что будет с вами происходить, все, что вы сделаете сами – будет менять Вашу судьбу! Вас

ждет счастье, но будьте крайне осторожны – Вы слишком на виду у людей и богов!» Это его первое прорицание – никто пока не встревожен.

Лена: «Кли, ну вечно ты все командуешь – дай на спокойно рассмотреть своих кукол... и пойдём покатаемся с мальчиками»

Кли: «Ты вот любимица всех – все тебе разрешают, непонятно почему... да, за мной побежали».

Пене: «Ну, что вы спорите – пошли к мальчикам – посмотрим, что они делают.»

Все пятеро едут на пони за Кли... Леда кричит: «Куда!?»

Кли: «Покатаемся и вернемся...» -

Компания скатывается по Западной лестнице и исчезает в парке... Пятерка празднующих детей радостно уезжает на своих лошадках под явным предводительством Кли...

Агамемнон с Менелаем – постарше... Недовольны, что праздник не про них, на девочек внимания не обращают – они «Гордые Микенцы»... Старшие мальчики (12+) смотрят на младших свысока, но завидуют их спартанской свободе. И косятся на голоногих девчонок – в других городах они одеты...

Боги беседуют между собой с края большого стола в ином обличье.

Зевс – «аэд»: «Ох, много будет хлопот с этой братией!»

Афродита: «Ну, у девочек должна быть счастливая жизнь – любовь! Обещаю, что сделает все, чтобы девочки были счастливы и их мечты исполнились...»

Леда: «Какие они все же разные, хотя мы их всех воспитываем одинаково!»

Аэд (Зевс): «А в чем они разные?»

Леда объясняет Афродите: «Кли всегда лидер, попадетсЯ и не признается! А Лена как-то все так устраивает, что у нее все в порядке, но сестру не выдает ни за что! Правда, та все равно обижается, что Лене всегда чуть лучше... Не могу понять, так ли это... Может зависть и без серьезных причин... Пене не жалуется... Мальчики – это нормальные ребята – спартанцы! Очень сестер любят и считают, что они как мужчины должны их защищать! Пене – золото, а не девочка: участвует во всем, но она вносит здравый смысл даже в шалости... вот увидите, это она их вернет домой...»

Аэд: « А Елена?»

Леда: «Что Елена... - эта себе на уме! Идет за Кли, но никогда не попадает, но Кли упорствует – на своем стоит, а эта хитро так выворачивается! И все складывается для нее удачно – Кли никак не может понять, почему так...»

«Аэд»: «Она знает?..»

Леда: «Нет, слава богам ... тьфу – нет, не говорю ей, что она твоя дочь. Все славные ребята и ни к чему им лишние подробности... пусть живут дружно...»

«Аэд»: «А не боитесь, что они куда-то все уедут или на них нападут?»

Леда: «Вроде некому напасть, хотя хорошо бы за ними присматривать!»

«Аэд», скромно: «У меня есть друг – разводит орлов – я вам пришлю семейную пару – пусть летают за ребятами!»

И ушел. Леда покачала головой и вздохнула...

Орлы прилетели к утру и свили гнездо на большом дереве на скале неподалеку. И всегда, когда дети отходили от дворца больше, чем на «пол стадию», кто-то из орлов следил за ними с высоты... а в случае опасности они клетотом предупреждали стражу... и вели по следам наследников...

С другого угла Приам стола (Гектор и принцы - микенцы внимательно слушают) рассказывает микенским и другим царям про торговлю с глубинами Хеттами, народами Азии, Индией и совершенно непонятным Китаем! Он рисует своим жезлом карту на принесенной широкой доске с песком. Цари интересуются ценами, рисками и прибылями.

Приам: «Позади нас огромный континент: аграрные страны, пустыни, оазисы, кочевники и города. Каждый третий караван так или иначе грабят ... целую конную армию держим на торговых путях. Хорошо стало, что Хетты приструнили племена в центре это огромного мира и победили Египтянам – теперь несколько легче и с этими торговать. Товары из Греции – оружие, посуда, кожа, разная выделка – маловато и дорого. Но в принципе грех жаловаться, хотя приходится быть всегда на стороже. Раз в 3-4 года проводим экспедиции вглубь территории – приструнить племена...»

Приам себе: «... мои подарки - индийские и китайские (шелковые) ткани всем девочкам, и сбруя для пони всем мальчикам, что вызвало несколько больше зависти у царей, чем восторга у детей... Греки – или все люди неисправимы – хорошему подарку завидуют. Наше мороженное, привезенное

троянцами в бочках со льдом в подарок их дамам и детям вызвало только еще большую зависть взрослых...»

Но девочки были счастливы и просили родителей свозить их на экскурсию в Трою! Лену закармлили так, что у нее горло стало сипеть. Слава Трои была велика и все хотели съездить в Трою...

Гектор задумался: «Отец, а почему мы раньше никогда не ездили в Спарту – тут весело... я бы с ребятами сейчас поехал покататься... я же старше их ...»

Приам долго молчал: «Ну, нам всю Азию надо мониторить да торговлю держать. У нас проблемы – это Хетты, Египет, дальше Индия и Китай, много народов, большие армии. А здесь у них войны между царствами – по сути между городами. Тут склоки, сплетни – трудно тут... ну, съездишь еще... или они к нам в гости пожалуют, хоть из любопытства... У нас весь мир живет, кухня острая – тут малость пресно на мой вкус.»

Мысли Приама: «Гектор – растет наследник! Спрашивает про Кли – почему бы ему в будущем на ней не жениться: она такая быстрая, красивая, умная – настоящая царица! Это верно – я бы и сам на ней женился – вопрос даже не в возрасте, а в политической необходимости. Подрастет - придется ему объяснять, что секс – это с богинями, нимфами и рабынями. Мда, Кли явно вырастет ммм очень соблазнительным объектом желания («plurabelle»), но не про нас, троянцев...

А жена – это такой крючок, на котором все висит: государственные связи – наследники – порядок в доме... Клитемнестра как дочка царя Спарты Тиндарея – неплохо, но поддержку Трое не обеспечит – далеко и не то. Нам бы нужно сильное царство, но не соперник, а импортер из Азии. Спартанцы – они спартанцы и есть – все тренируются, а покупать не особо. Гектору надо искать жену понадежней - !

Кстати эти микенские мальчики – пока милые – потом соперники. Так что дружить с ними опасно – слишком много знать будут... Нам надо незаметно для греков и соседей в Азии создать ударную конную армию, поставить опорные крепости в портах и на основных путях, пока я не стар. В Азии всегда где-то в углу либо засуха и тогда племя срывается с места и идет на Запад, либо царек сходит с ума и объединяет дикарей против нас. Если еще и ахейцы из дурной зависти на нас пойдут, али мы Богов прогневаем, то трудно будет усидеть на берегу Понта... Конечно, мы разбросали колонии по всему Великому морю, ив Африку, и в Азию, и за Геркулесовы Столбы. Но

колонии всегда норовят просто хорошо жить, торговать с местными племенами – нам от них помощи не дожидаться! Гектор будет Командующий армией – это уже видно! Но вопрос, кто будет Стратег после меня!? Интересно, как там Парис на горе живет – они все думают, что я не знаю, что он жив...»

Боги дождались, пока цари и дети разошлись по своим делам. Афродита в эти недели была в том состоянии, когда: «все пропало, не вышло, все мужики сво..., и разлюбилось...» Поэтому она продолжала хвалить детей и особенно девочек, строить планы за них и обещать большую любовь.

Зевс покачал головой: «Смотри, конечно, сегодня все было лучше, чем я бы сам мог придумать! И дети замечательные. А Калхас-то не веселый – боится за них! – Калхас кивнул и отпросился по делам. – Ваши – то есть наши рассказы и обещания меняют их мысли и, наверное, судьбу... И я боюсь, Афродита, что ты со своей тоски наобещала девочкам всякого счастья! А где его столько набрать на всех – я не потяну...»

Афродита хотела было отшутиться, но не смогла и только буркнула: «Пригляжу, как смогу – по моей части жалоб не будет – вы там за своими делами смотрите... Мальчишкам микенцам надо будет по царству справиться, тогда они хорошие женихи будут... Жалко Гектора папаша женит так, чтобы Трою оборонять от всего завистливого мира вокруг них. Парень старше микенцев - не дождетса он еще добрых лет 8-9, а то они бы с Клитемнестрой потрясли бы мир!»

Зевс: «С Кли – то есть не с Леной...? Это ты хочешь?!»

Афродита: «С твоей Леной все сложнее – у нее наследственность слишком «тяжелая»! То ли дело Пене – золото! А Клитемнестра – эта и сама себе царь, и людям может стать головой, хотя хороша будет... боюсь за нее...»

Акт 1 Сцена 2 – та же терраса 4 года спустя= 12летие (1276) Тесей и Елена

Тесей в дороге в Спарту по дороге с Керкиры к себе домой в Афины: лодка – потом колесница – управляет друг Пирифой. Заезжает во дворец...

Герою и кузену Геракла всего лишь 50, мощный красавец с брюшком. Надутый, привыкший к немедленному обожанию. Нехватку же обожания уравнивает апломбом. Сын Посейдона и Эгея сразу – для завершения своего героического образа он поверил в то, что надо ему жениться на дочери Зевса. Мог попробовать спросить у самого Зевса, но поверил предсказанию...

Внутренний монолог «Хорошо бы повидать старых друзей Тиндарея с Икарием и заодно взглянуть на Клитемнестру с Еленой и Пенелопу. Был один парень с Итаки – он ездил со своим царем Лаэртом и мальчонкой Одиссеем на день рождения к девочкам пару лет назад. Так прямо, поганец, извертелся, пока показывал («во и во») и рассказывал – всех извел, кто слушал из мужиков, пока его жена не пришла и наорала на него – струсил...

Говорил, что им уже было по 10 – жениться рано, вот вполне можно уже вскоре и посвататься. И кто откажет Тесею! Но странное чувство – будто я их боюсь – там брюнетка, шатенка и блондинка – кого выбирать-то... на месте разберемся, но в животе холодно – то ли страшно, то ли нужно рабыню, то ли и то, и то вместе – очень странно. И кто знает, что Елена – дочь Зевса? Надо попробовать...

Почему я боюсь? Кого? Девчонок или Богов? Если богов, то кого именно? Кто может быть важным игроком в Спарте вообще или у дочерей ... у дочерей царей или у дочерей цариц? Кто из богов к ним заглядывает? Это обычно признак каких-то отношений между царскими семьями и миром богов. Вроде нет никаких внятных слухов... я бы знал... какие еще секреты от Тесея (он мог иногда порассуждать о себе в третьем лице) в Греции... Ха, какие вообще секреты в Греции.

Сами Боги все всем рассказывают, да еще прихвастнут бывает, особенно жрецам своих храмов, или слуги что заметят. Цари тоже хвастаются – для отпугивания врагов. Вон Приам все рассказывает, как Аполлон и Посейдон ему стены Трои строили, а Арес прилетает раз в год – проводит летнюю

школу для молодых бойцов Гектора. И вроде не врет... Да и я – сын Эгея и Посейдона – так все это знают...

Напевает время от времени песенку про себя (по-гречески) :

«Тесей – великий муж, он Минотавра победил

Ходил походом на Арго и стал царем Афин...

У дюжины цариц он мужем был...

Ему уже лет ого-го, но он силен как бык и т.п.»=

Друг – Пирифой – оглянулся с места возницы и засмеялся:

«Ты неисправим – опять гонишься за юбкой, да еще за малолеткой – тебе же полтинник – угомонись, наконец. Нам еще бы надо за моей женой будущей – чтобы тоже дочь Зевса – сходить куда-нибудь... желательно, не лишком далеко.»

Тесей: «Ну, ты потерпи немного... посмотрим на девиц, заберем свою – то есть мою, спрячем... а там и твоей половиной займемся...»

Тесей не хотел слишком вдаваться в детали даже с другом, но сам и стал сам прикидывать: «Родились они все четверо у Леды, и Кастор с Полидевком, 12 лет назад – какие были слухи?»

Пирифой: «История Елены и Полидевка выглядит схожей с твоей – помнишь у Зевса были такие приемчики проникновения к порядочным дамам – например, «лебедь»! Был такой слух про «Леду и Лебедя» – так что нам нужна Елена, но брюнетка Клитемнестра, говорят, будет поинтереснее.»

Тесей вслух: «Попробуем – жалко Тиндарея обижать – зато потом породнимся. Им это честь – быть со мной в родстве!»

Тесей про себя: «Ну и что, что малолетка – подрастет постепенно, родим вместе – был бы судьба благоприятной.»

Тесей приезжает в Спарту.

Тесей: «Друг Тиндарей, как мы рады посетить чудесный город и государство Спарта» ... и так далее»

Тиндарей: «Как хорошо, что ты и уважаемый Пирифой приехали – скоро очередной день рождения – мы празднуем сразу пять их = всем им 12 лет. Счастливого возраст – никаких тревог и много открытий!»

= Знакомит со всеми тремя девочками и двумя мальчиками! Полная безмятежность. Дети вежливы и убегают.=

Тесей: «Что вы им готовите, Тиндарей и Икарий, к каким делам и женихам?»

Икарий – «Вот и не знаю еще, что будут с Пенелопой – нужен надежный человек – она такая хорошая и добрая! Пока еще рано...»

Тиндарей «Я уже старею – скоро мальчики станут мужчинами. И Близнецы справятся с любой задачей, которая поставит перед ним жизнь, цари или боги! Но пока пусть играют. Скоро приедут Одиссей из Итаки, Агамемнон и Менелай – из Микен. Ты же знаешь, что им надо бежать – пусть поживут у нас. Они постарше и моим полезно будет набираться опыта общения и дружбы на будущее. Какие твои планы?»

Тесею было стыдно признаться, что он приехал дочку украсть и стал рассказывать всякую лабуду про путешествия, трудные дела в Афинах и:

«А кстати, кто из богов у тебя тут бывает?»

Тиндарей не ждал подвоха: «Ну, чаще всего заглядывает Афродита – очень заботится о девочках, манерах, строгости поведения, одежде... Даже одевается, чтобы мальчиков не смущать – ну они с Ледой очень дружат... Про женихов еще не думали... Жалко тебе уже порядочно, а то у нас такие растут красотки, что закачаешься.»

Тесей: «Мне пророчество было, что впереди меня еще ждет благосклонность богов, большая любовь и долгая жизнь ... вот думаю... куда пойти искать...»

Тиндарей: «Ну, может тебе среди богинь посмотреть, кто из них заждался большой любви...»

Тесей (про себя): «Он ничего не понимает – бес толку с ним разговаривать...»

(вслух) – «У вас праздник, день рождения девочек?»

-Тиндарей...: «Даа, и мальчиков – приходите к столу через полчаса – на террасу над морем»...

Терраса дворца над морем, большая лестница посередине, статуи богов по углам...Длинный стол, вся семья в сборе. Фрукты – вино – баранина – хлеб... Все тихо по-семейному... Только Тесей от вина шумный... иногда небольшой оркестр: что-то щипковое и дудка...

Икарий спрашивает всех двенадцатилеток «А кем вы хотите стать, что делать в будущем?» Кастор и Полидевк почти хором: «Много путешествовать, выручать людей как Тесей, воевать как Цари Спарты...защищать семью (глянули на Отца), сестер...» Взрослые покивали..

Девочки помялись было, покосились на шумного гостя... Все три держали на коленях свои куклы – с черными волосами и острой золотой булавкой у Кли; с каштановыми волосами и серебряной пряжкой у Пене; а у Лены была кукла со светлыми волосами и бусами из самоцветов».

Кли: «Я бы хотела выйти замуж за Великого Царя, править вместе с ним и ходить в походы ... из лука стреляю не хуже мальчишек...»

Икарий кивнул – «даже лучше – повернулся к дочери - а ты, Пене?». Пене долго стеснялась, потом почти прошептала: «Мне бы хотелось всегда быть у моря, плавать на лодке с семьей, вышивать, открыть школу...»

Елена долго придумывала, как отделаться от назойливых во все века взрослых: «Нууу, я не знаю еще точно, но я люблю все красивое, величественное и веселое, мне бы хотелось танцевать на праздниках для героев, чтобы было всем весело... чтобы боги радовались!»

(и про себя – «И большой любви, как Афродита говорит!»)

Леда: «Спляши, Лена!» И Лена сплясала босиком под музыку – все были счастливы, Пене и все похлопали, Кли фыркнула и слегка приложила ладони одна к другой. Потом встала и они втроем с сестрами так сплясали, что гости потеряли дух!

Всем показалось, что это были не три длинные девочки – подростки в хитонах и с платками = черно-зеленая Кли, песочно-голубая Пене и бело-золотая Лена, а две змеи ... со звенящими браслетами, прическами... Афродита посмеивалась, невидимая, лежа на вазе с цветами у ног Зевса. Она показала их гостям такими, какими они будут выглядеть лет через пять – с голыми руками и ногами, шеями в бесценных ожерельях! Неотразимыми

дочерями Леды и Перибей! Братья были в восторге за сестер... А три маленькие танцовщицы испуганно спрятались за Ледой...

Сам Тесей потрясен красотой танцовщиц и не знает, которую бы выбрать, но решает, что все равно «надо брать» дочь Зевса! Громадный и герой Тесей производит впечатление скорее на Кли, которая начала уже обгонять сестер (да и братьев) по развитию во всех отношениях. Она даже несколько кокетничает с Тесеем и потом будет страшно обижена, когда тот украдет не ее! Еще одна обида – Кли так хотелось опередить Лену хоть в чем-то!

Тесей с Пирифоем крадет Елену и служанку – увозят на корабле.

Афродита жалуется Зевсу: «О, Великий! Ты же помнишь мою подругу Леду с мужем Тиндареем (это в Спарте...) и ее дочку Елену... К ней явно подкрадывается этот Великий воин Тесей, который дожил до 50 лет, стал «козлом», прости меня... Он, конечно, кузен Геракла и вообще сыграл позитивную роль в расчистке Греции от всякой архаической мерзости, которую наплодили боги на ранней стадии развития. Но надо же меру знать!

Я не дам ему прихватить еще и мою любимую красулю – и твою дочь – и испортить ей жизнь. Надеюсь, ее судьба будет достоин такой жемчужины! Надо будет дать ей полное счастье.

Зевс: «Ну, мне не хотелось бы обижать Великого Тесея, и 50 – еще не вечер по моим подсчетам. Но Лену мне жалко – сделай, что можешь – вообще там какие-то беспорядки в Греции. Притормози, если можешь, хаотизацию международных отношений, а то дело дойдет до всеобщей свары. Что до судьбы всех этих детей в Спарте, то дело это темное – я и сам пока не знаю. И рано еще – много от них самих зависит...»

Афродита не успевает предотвратить кражу Елены – Тесей уносит ее к лодке и увозит и где-то прячет. Сцена кражи незатейлива... Лена говорит Тесею: «Афродита велела мне в случае угрозы подумать о ней, и она накажет любого, что меня обидит или попросит помощи у Феба или даже у Зевса, хотя я не знаю, почему мне такая честь.»

Тиндарей и Икарий разбиты горем и обещают отомстить, хотя несколько опасаются Тесея – все-таки Минотавра победил. И как найти Елену не знают, где ее искать и не могут бросить царство. Афродита клянется помогать Лене всю жизнь и успокаивает Тиндарея – «с ней ничего плохого не произойдет».

Аэд (Зевс) успокаивает безутешных родителей (классическая сцена горя с хором): «Тесей – старый герой, поверил в предсказание, но он знает, что Лена – дочь Зевса – он ее не обидит! И вообще эта эскапада ему дорого обойдется! А орлы проследят за ним – потом заберете ее...»

Кастор и Полдевк объявляют, что найдут сестру – но проходит два года... Пене и Кли грустят, скучают и боятся за Лену – обсуждают поведение мужчин потихоньку.

Кли спрашивает у матери: «Правда ли, что Лена и Полидевк – дети Зевса, а мы с Кастором – от Тиндарея? Как ты могла?!»

Леда плачет: «Я не знала, просто спала на жаре... А он Великий Бог – кто может противиться ему?»

«Ваш отец простил и любит всех четверых одинаково. Про Зевса ничего не знаю, хотя иногда мне кажется, что иные путники могли быть маскировкой для Него, но ко мне никто не подходил.»

Кли: «Но Тесей украл Лену потому, что она дочь Зевса – не меня же...»

Леда: «Глупая ты моя – Тесей это скучный, самовлюбленный мужик, неудачник в личной жизни – одна слава по всяким дракам. Ему надо Минотавров мочить, все женщины от него наплакались. И тебе бы он надоел за неделю – за ужином от него вино киснет. Я надеюсь – даже уверена, что он не рискнет нашу Лену обидеть... Рано или поздно его кто-нибудь просто спихнет со скалы, чтобы избавиться, и делу конец. Что-нибудь придумаем, чтобы вызволить твою сестру от этого перестарка...

Вы обе заслуживаете лучших принцев Греции и Ойкумены, а не стать наложницей это бродячего мордоворота! Подумаешь, сын Посейдона - не отдам!»

А в это время.

Тесей становится на одно колено: «Бесподобная Елена – я никогда не обижу тебя, но буду просить твоей руки у Тиндарея через два - три года. Пока расти в тиши, но я не хочу, чтобы родители выдали тебя за кого-нибудь... я буду ждать... Не смотри, что я стал немного седой – я еще проживу много лет. А ты такая особенная не только потому, что красивая, но ты – дочь Зевса! Ты не знала? Пора тебе об этом рассказать. Это получилась независимо от воли

Леды – она не могла противостоять воле Зевса, хотя отказала ему – он обманом стал твоим отцом и Полидевк! Это определило твою судьбу – надеюсь, счастливый для меня! Обещай не убежать!»

Лена стояла, пораженная новостью и погруженная в себя (про себя): «Я дочь Зевса и мамы – тогда папа меня выручит, Тиндарей или Зевс. Какой этот Тесей противный – совсем не похож... Или сама Афродита меня найдет и выручит – она обещала мне «большую любовь», а не этого толстого горластого борца с чудовищами с брюшком – мне это совсем ни к чему!»

И вслух Тесею, задрав подбородок: «Зря Вы это затеяли! Мы на Вас смотрели как на Великого Героя. Стыдно – пожилой человек, а бегаеете за девчонками! Где Ваша дюжина жен-красавиц!? Вы всех бросили! Приехали как воры – и даже троянского мороженного не привезли! Если у меня два отца – как у Вас – то Зевс охранит меня от Посейдона, а Спартанский Тиндарей с сыном Афинского Эгея тоже справится... Почему бы Вам (она топнула ножкой) не победить еще одного бычка вместо того, что красть принцесс!?»

Проходит два года...

Кастор и Полидевк в 14 приходят к матери и просят разрешения отлучиться к Одиссею в гости на Итаку... Афродита поддерживает и Леда отпускает их, не поняв, в чем дело.

Домашние Орлы ведут Диоскуров к сестре Лене в деревню Афидны, пока Тесей застрял с Пирифоем на Камне Забвения у Аида, и возвращают ее. Леда встречает их как героев, а Тиндарей и Икарий обещают им большое будущее и славу!

Тесей появляется в последний момент их бегства – такой же толстый, но от двухлетнего сидения на камне Забвения в царстве Аида у него развился радикулит. Он было бросился в погоню за братьями и «невестой»... Но поясница от сидения на камне болит и одышка одолела! Хотел было проклясть братьев и Лену, но его же Отец – Посейдон - лишил его голоса.

Братья смеются над ним: «Великий Герой просидел штаны на камне Забвения... Геркулес едва его оторвал... Еле дышит ... Стал толше Минотавра ... Поясница болит ... Пора на покой» - Елена хихикает...

Лена потом вспоминала: «Скука там в этой Афидны была страшная, но я много бегала, купалась, слушала разные истории от местного жреца

Аполлона – в общем новости до меня доходили... я знала, что в Спарте происходит! А потом узнала, что Тесей застрел в Подземном царстве Аида и уже не боялась. И у меня было время подумать о себе и будущем, но не с кем было поговорить. Жрец был очень старый и добрый, но почему-то жалел меня...»

Самое удивительное – это встреча сестер – теперь все знают про Зевса. Елена держится очень скромно, но теперь она твердо намерена выполнить все обещания Афродиты о любви и счастье. Пене рада за нее, а Клио завидует и понимает, что в этой жизни ей надо действовать самой!

Триалог сестер был радостный. Лена рассказывала, как ее украли, где держали, как мальчики ее вытащили. А Пене и Клио рассказывали про то, как тут живут Микенцы и вообще обычные спартанские дела: войны и победы!

Так менялась судьба сестер: у Кли кукла все темнела, а у самой росла зависть. У Пене рос испуг перед миром и желание спрятаться в безопасный угол, а кукла все наивно хлопала ресницами. А у Лены кукла так глядела на людей, что завораживала, от чего и Лена становилась все красивей, все упрямее и решительней, и улыбка стала как бы универсальной защитой от мира.

Акт 2 – Свадьбы в 1271 году (героиням по 17)

Сцена 3 – Интриги и выбор женихов

Три сестры и близкие родственники ужинают на террасе. Все знают, что скоро надо будет выбирать женихов окончательно и кончается целая эпоха для семьи, дворца и мира. Правда, о последнем ведают только великие боги, которые подслушивают семейные тайны. Многие из участников догадываются о присутствии богов, но боятся сказать об этом вслух, да и не вполне уверены, что точно знают, кто из богов действительно тут.

Спокойны Леда и Лена – они чувствуют дыхание Зевса.

Лена про себя: «Афродита мне поможет и два отца не могут допустить плохого выбора для меня. Правда, замуж мне не совсем хочется, большой любви нет и непонятно, что это такое. Тридцать царей Греции сватаются ко мне – и не знаю, кого предпочесть. Но среди них – уверена – среди них нет «большой любви» - не чувствую ничего особенного в себе. Агамемнон явно поглядывает то на меня, то на Кли, но скрывает потому, что надеется стать Великим царем Микен и не может рассчитывать, что ему выгодно – какая тут любовь. Менелай очень подрос, красивый, любезный и мечтает стать в будущем спартанским царем, если ему отдадут Кли или меня. А так – оба вполне знакомые, немного грубые как все микенцы, но природные цари. Остальные – вообще из крошечных городов. В общем – пусть будет, как получится.»

Очень нервничает Пене: «Кли бесится – она не видит ясного будущего для себя, ни для меня, раз все сватаются к Лене. Одиссей как-то странно посматривает на меня. Он веселый, много рассказывает про моря и чужие страны. Хотя он был чуть старше микенцев, но и он тоже сватается к Лене – как сговорились!»

Одиссей постепенно обживаетея в семье царей Спарты – ему с бедной Итаки очень хочется в мир больших царей!

Первый рассказ Одиссея трем сестрам, который очень помог ему найти себе хорошую жену»: «Итака, как вы знаете – чудесный остров с хорошей погодой и виноградом! Мы достаточно далеки от больших царств и хорошо вооружены от пиратов! Поэтому я путешествую лет с 14 по всему Великому морю... Был в Египте – там страшновато – что не так сделаешь, могут иностранца и казнить! Нил – великая река – особенно в разлив! В Трое? Конечно, был – Правит там крутой такой Приам! У него много сыновей и

дочерей... Говорят, есть еще один, которого еще не нашли – Парис. Загадочная история – его никто не видел – говорят, что живет на какой-то горе с медведями! Город много больше Микен, а главное – очень веселый! Народ со всего мира, разные храмы. Но главный храм там – Аполлона! Он покровитель города и Гектора – наследника! Как я там разговариваю – я нахожу заранее кого-то из той страны, куда еду, и учу язык – слов 300. Ну, а на месте я за полгода выучиваю настолько, чтобы поговорить! Троя, конечно, город греческий, но в Азии – товары, кухня, музыка – все перемешалось!»

Кли – та была просто в бешенстве, что никто – никто! – не сватается к ней вместо Лены. Тут просто и говорить нечего. Леда держится с ней рядом, чтобы та не обидела женихов всех вместе или каждого по отдельности. И это при том, что Кли чуть крупнее и более женственна, чем Лена. Та еще немного подросток.

Тиндарей и Икарий держатся торжественно, но Леда видит, что они в растерянности. Но сегодня вечер семьи и богов – женихов на террасу не пустили. Хотя прибежал хитрый Одиссей, пошептался с Икарием и Тиндареем, потом одинаково любезно раскланялся с Ледой, Пене, Кли и последней с Леной, которая вообще не обратила на него внимания, и тут же исчез. Итакец был для нее слишком разговорчив, куда-то вечно бежал, зато, правда, рассказывал интересные истории, много видел – точно не был таким скучным, как оба микенца.

Клио была на грани слез: «Я не могу, не могу, не могу это вынести, что мне придется выходить за кого-то, от кого отказалась сестра. А тут все они – цари – все как собаки стоят с высунутыми языками, глядят на меня и тяжело дышат. Отвратительное зрелище!»

Боги встревожились и отрядили Афродиту утешить девочек. Чтобы отвлечь их Аэд (Зевс) вдруг спросил:

«Пока тут нет женихов, я хочу вспомнить этот день 9 лет назад и 5 лет назад – как было весело! И даже Тесей – старый дуралей – не так сильно испортил праздник в конце концов. Девочки, скажите нам – просто так – чтобы вы сделали, если бы стали царицами Микен. Пока там не мы, но вдруг что-то переменится. Сначала ты – Пенелопа.»

Пенелопа много думала о будущем и могла ответить сразу: «Я бы собрала всех царей с женами, устроила бы пир, подарила бы всем по ковру. Все бы

подружились и заключили бы мир на 30 лет, потом привыкли бы к миру и мог бы стать вечным!»

Клитемнестра молчала, и Елена стала отвечать сама: «Я бы учредила бы большой праздник Аполлона с музыкой, танцами, спектаклями выдавала бы призы лучшим – как на Олимпийских играх. Все бы были бы счастливы, и не было бы войн!»

Мать Леда захлопала и спросила: «А ты Клитемнестра!?»

Кли вздохнула, подняла голову и посмотрела на родню таким взглядом, что все поежились: «Будь я царицей, я бы собрала большую армию греков, переправила бы в Трою и завоевала бы Азию, что за хеттами! А тогда мы все были бы богаты – торговали бы с Азией и был бы мир!» Все призадумались – особенно боги.

Леда нашла момент и спросила Лену, кого бы она предпочла из женихов сама. Та подумала и сказала – «Кого-то знакомого, приятного и такого, чтобы я могла не уезжать из этого Дворца. И так, чтобы Кли могла стать первой среди нас и как выбранной и как царицей... я все же очень надеюсь на любовь!»

Кли на это вопрос пожала плечами и отвернулась, Пене спросила старших, будет ли кто-то свататься к ней. На прямой вопрос Леды об Одиссее она непонимающе взглянула на тетку и сказала – «Итака маленький остров, но уютный ... но и он ведь сватается не ко мне, а к Елене? Не может быть!»

Леда дала понять, что не знает точно, а спросила так – для примера. Девочки увели Леду в беседку и расположились вчетвером так, чтобы никто не мешал. Вопрос задала Пене, как сама надежная: «А почему вы вообще должны вдруг все сразу выходить замуж, не дожидаясь, пока мы кого-то полюбим и вообще... Или это все чисто династически?»

Леда: «Аах, девочки, вы такие красивые, знаменитые, что покоя и отбоя от женихов у вас не будет. Это я спокойна, но в кого, кроме царей вы собираетесь влюбляться? И вы думаете, что эта оголтелая толпа мужиков, то есть царей, от вас отвяжется? Тут они все в сборе и выбирай, что есть! Кого нет – нет только троянцев (Гектор недавно женился на Хеттской принцессе) и варваров. Наша главная задача их образумить – вас только трое, и как только найдем кого-то для Елены, кто устроил бы Тиндарея, так все остальные ваши на выбор! Не за царей – даже и не думайте, влюбляться можно только в царей и наследников престола. Кли, ты не обижайся – это

сумасшествие вокруг Елены – просто психическое заболевание! Или они хотят стать ближе к Зевсу (вздых). А ждать вам больше нечего – только стареть будете и будут пытаться вас украсть! Нееет... пора всех замуж! Афродита нам поможет! Кли – помнишь пиратов в прошлом году?»

Кли: «О даа! Это мое самое любимое воспоминание! Они тогда убили часовых внизу лестниц и пытались подняться по обоим – явно не знали, в каком мы крыле живем. Пене подавала стрелы, а мы с Леной стреляли из луков с галереи второго этажа и вполне прилично попали, как отец сказал! Не зря мы тренировались – правда, Лена?»

Лена: «Ну, в общем правильно, что нас обучили стрелять – мы тогда, пожалуй, с полчаса выиграли у Лестницы Зевса, а Отец дрался на Лестнице Посейдона. А там и дядя Икарий прибежал с охраной, и пираты быстро смылись, даже убитых почти всех унесли. Так и неизвестно, кто их нанял – хорошие солдаты... Мы, думаю, никого не убили, но точно ранили и задержали...»

Кли: «Ну, не принижай нашей роли в той стычке – я точно видела, как двое от моих стрел – в голову и в шею – свалились вниз по лестнице!»

Пене: «Жалко меня не было – хотя страшно... Зато какая слава о вас идет – вот три красотки, смертельные во всех отношениях!»

Кли: «Ну ладно, мечтали мы о любви, путешествиях, а выйдем мы замуж, какие-то мужики придут к нам в спальню, потом будут нами командовать, а нас заставят управлять домом и рабами – страшно весело! Все-таки греческая цивилизация загнивает – когда-то можно было жить самой, воевать и путешествовать, правда, мама?»

Леда: «Это было очень давно и больше у богинь – вот Артемида или Афина – те да! И даже женщины с большими божественными данными, нимфы, тянутся в семью – вот как тетя Перибея...»

Пене: «Ну, при хорошем муже и детях дома должно быть хорошо – вот устрою школу, и наши все дети смогут туда ходить!»

Лена: «Это получается, что выбора у нас нет... и Кли совершенно права! Мне все эти цари не нужны. Нам, девочки, надо высмотреть что-то подходящее и быстро влюбиться, чтобы помочь Афродите выполнить обещание... А мне так не хочется из дома уезжать... Пусть Кли влюбляет в себя кого хочет и забирает – становится хоть шахиней! Мы же видим и по историям других

царей, и по людям Спарты, что жить с мужем вообще или жить с любимым – это, видимо, огромная разница... Ну, буду верить Афродите!»

Пене: «А я!?»

Лена с Кли в унисон: «Я за тебя спокойна – у тебя все будет хорошо!»

Афродита была счастлива итогам «брачного совещания» и шепнула всем трем, что «надо будет станцевать завтра для гостей и потом только принимать решения».

Тут Бал сновидений: Пене снился Одиссей - и к утру она в него влюбилась. Кли почти не спала и ей мерещились башни и трубы. А Лена спала как ребенок – ей было все равно, что будет завтра – во сне она сидела на пони в короне и разные цари маршировали перед ней.

Одиссею снился сон или это было божественное наваждение: «Стоит он у руля своего корабля, корабль качает, гребцы пытаются удержать курс... А вокруг летают страшные птицы, что-то каркают и бросают в него и гребцов бронзовыми перьями, острыми как стрелы... Ряды гребцов редуют от ударов смертоносных перьев, но итакцы начинают петь гимн Посейдону и птицы исчезают ...

Появляется Афродита, которая пытается погладить его по плечу и приставляет свое голое колено к его колену... и спрашивает: нравлюсь? или тебе нравится Афина? Страшный испуг охватывает бедного царя – он вспоминает Париса и кричит сквозь бурю: я недостойн богини – я царь Итаки и я люблю ... да люблю Пенелопу – Афродита исчезает...

Впереди виден горящий холм вдаль на берегу – можно подумать, что это горит Троя... И вдруг возникает Аполлон и спрашивает Одиссея – а ты пожертвуешь своим ребенком от Пенелопы – ведь любишь ее!? – Да, люблю, кричит Одиссей! – Пожертвуешь ли ты ребенком, чтобы стать царем Трои!? – Неет!

– Феб исчезает, но появляется Арес: Одиссей, убьешь ли ты Гектора, чтобы стать великим воителем в Азии, возьмешь ли его Хеттскую принцессу Андромаху, его жену, чтобы стать властителем коней земли и дельфинов моря!? – Неет, кричит Одиссей – я люблю Пенелопу, слава Зевсу и Посейдону – я не отниму Андромаху у Гектора!

Тут прилетает Артемида с луком и кричит: но ты убьешь Париса, своего друга, чтобы забрать Елену Прекрасную и стать властителем Трои и Итаки!?

– Неет, кричит в ужасе Одиссей – я ни за что не обижу Париса и Елену, Гектора, а главное – мою Пене! Пожар на горизонте гаснет...»

Одиссей просыпается в ужасе, ничего не понимает и постепенно забывает свой сон, кроме ласкового взгляда Пенелопы искоса невзначай...

Весть об ужине и словах трех принцесс, естественно, разнеслась среди женихов раньше, чем допили вино. Большой прием на следующий день был неожиданно спокойным – за ночь почти все уладилось, хотя принцессы этого не знали до самого последнего момента.

Парни поздно ночью потягивали вино и судачили о выборе невест. Одиссей помалкивал, а иногда щурился как кот в предвкушении ужина. Агамемнон был шумен: «Я любую девушку сделаю счастливой, но она должна понимать, что я буду Царем и она должна мне подчиняться!» Менелай был, видимо, с комплексом младшего брата и копировал его, но не всегда удачно. Он побаивался завтрашнего дня более явно, чем старший брат: «Да, подумаешь принцессы! Вот я с одной тут, как принято, по ночам год жил, пока не выяснилось, кто я... они взяли золото и уехали...»

Заговор и сговор

Заговор завершился сговором к восходу солнца. Накануне Одиссей уговорил Тиндарея на формулу клятвы женихов перед любым избранником Елены: защищать ее семью! Цари были навеселе и дружно поклялись, не очень задумываясь, о чем клятва! Многие потом пожалели о ней...

Тиндарей за идею уговорил брата Икария «отдать Пене этому хитроумному парню с Итаки – хотя не богат, но умный человек в семье – это полезно. И вдруг он Пене понравится».

Афродита предложила Менелая Елене: «Тебе все равно («пока» - вздохнула вечная сводница – она что-то предчувствовала), а зато тебе можно остаться у себя дома в Спарте! А отдать Кли старшему брату сразу и потом Микены так, что она не будет обижена опять.» И все к тебе будут в гости приезжать!

Афродита и Одиссей пошли к Леде и обрисовали инновационные брачные перспективы – та обрадовалась, что Лена останется дома.

Зевс подслушал и кивнул. Леда пошла тайком к девицам в спальни и посмотрела на кукол – те не изменились радикально, разве что брюнетка Кли еще потемнела... Осталось как-то внедрить эти комбинации в жизнь.

С этим Цари Спарты справились почти без помощи богов. Шел пир, в конце должны были свататься и получить ответ. Цари Спарты активно спаивали всех гостей – царей, и не без помощи немногих, посвященных в тайну Зевса и Афродиты! Тут Тиндарей потребовал клятвы с женихов защищать семью Елены, Клитемнестры и Пенелопы. Все ее дали всем троем, хотя история сохранила только клятву семье дочери Зевса. Против историков и сам Зевс бессилён...

Феб (одетый как царь из Африки): «Какие красивые все три невесты...»

Афродита (как Кузина Леды): «И не вздумай к ним подбираться ... я надеюсь дать им то, что они заслуживают и хотят сами!»

Афина (Жрица Афины): «А что они хотят сами?»

Афродита: «Еще лет в 12 они говорили: «Пене – семью и надежность; Кли – власть и славу; Лена – большую любовь и веселье». Афина пожала плечами, как на набор странных идей: «Одна Кли понимает суть жизни цариц».

Зевс (Аэд): «Нуу, это будет трудно в таких парах. Я не Калхас, но от каждой пары мечтаний я бы советовал надеяться на одну мечту – по две будет сложно в нынешней Греции, говорю вам как аэд, который знает реальную жизнь... Где им найти такую судьбу каждой, хотя девочки очень хорошие!»

На фоне садящегося в море солнца и при факелах заиграли медленную мелодию, которую спустя века будет танцевать не только Греция, но и весь мир! Три невесты медленно встали и в своих роскошных одеждах: Изумрудное с черным у Кли; Песочные с морской волной у Пене; и Белые с золотом у Лены – двинулись по кругу. Это был относительно медленный ритм – одежды развивались – это было восхитительно сексуально – намного ярче и проникновеннее (в несложное мужское восприятие). Все цари – потенциальные женихи - замерли от восторга и вожделения! Гости потеряли дар речи, Аэды обрели вдохновение! Афродита рассчитала точно – после такого танца женихи были с безумными глазами как собаки на охоте у Артемиды. А три невесты чувствовали себя на вершине победы и вполне готовы были материализовать свое ощущение счастья, желания и желанности в брачные кандалы, перспектива которых не выглядела в этот момент чрезмерно тяжелой.

После танца мучительная пауза была как перед штурмом города. Потом два Микенца и Одиссей опередили всех и первыми бросились к столу невест. Афродита подстроила так, чтобы они встретились парами одновременно,

юноши глядели в глаза «правильным» невестам и не могли натворить глупостей вроде давки вокруг Лены.

В результате все выглядело так, будто Агамемнон первым попросил руки Кли, чьи формы при танце он успел разглядеть достаточно, чтобы заняли его зубы. Она была ошарашена – глянула на сестру – та ей чуть подмигнула, и дело было сделано. Кли первая и сама вышла замуж за старшего Микенца – это все, что о чем могла вообще мечтать самая амбициозная девушка в Греции в этот день.

Менелай с вымученной улыбкой презентовал себя Елене, которая глянула на мать с отцом, получила от них кивки и услышала шепот Афродиты: «Ты же хочешь этот дворец...» И Лена с легким сердцем кивнула Менелаю: пора замуж, любовь может быть откуда-то придет.

Одиссей очень изящно подкатился к уже влюбленной в него Пене к полному ее удивлению и счастьем и к радости жениха.

Все трое претендентов вручили своим невестам какие-то дорогие подарки – те приняли почти не глядя. Всем было все равно, поскольку подарки были мелочью на фоне события! Потом уже родня разбиралась, что откуда пришло в этих нагрудных подвесках: жемчуг для Пене на серебре; рубины для Лены на белом золоте; изумруды на золоте для Кли. Толпа царей, давших утром клятву защищать семью Елены, обнаружили, что придется защищать счастливчика Менелая. Это было ожидаемо, но и восторга у царей не вызвало. Но спорить с большими царями никто не стал – спартанские принцессы удачно сделали свои партии. Пожалуй, цари позавидовали Одиссею – с какого-то острова, а в зятя царю Икарию попал. Как обычно, сошлись на том, что видна в этом «волям богов». Многие ни на что не рассчитывали – так что без особых эмоций остались на пир, а к утру с тяжелой головой скорбели о своих жизненных неудачах и завидовали микенцам.

Афродита, отправив своих воспитанниц на супружеские ложа, искупалась в море (хотя не в Пафосе) и улеглась на большом плоском камне под большой луной. И выпив порядочно красного неразбавленного, рассуждала в четверть голоса сама с собой:

«Великая я Богиня, и все меня любят – попробовали бы не любить! Ну, дамочки завидуют... зато их мужья ... хм, коленки лизут (помолчала)...

Великая я Богиня, и все меня любят – но долго меня никто не выдерживает ... а что делать... Что у людей большая любовь на жизнь или, скажем, на семь лет – у меня на Весну или на неделю... И вечно такой осадок, будто я кого-то обидела... неблагоприятные – я им дала счастье, которое им не снилось... но им мало и они становятся такими скучными...

Великая я Богиня, и все меня любят ... хотя бывает – обидно, что приходится моими Силами увлекать какого-то юношу... а он еще сопротивляется и бежит за «дешевым хитом»... мужики – дурные создания – не могу же я просто прихватывать – неинтересно... вот лежит, красавчик, бывают же такие кудрявые рабы ... откуда-то с севера, кудрявый... пусть спит пока ... потом отправлю я его куда-нибудь свободным – пусть наслаждается жизнью за Геркулесовыми столбами и забудет эту свою девчонку... или пусть ползет назад в двойное рабство... я уже этого не узнаю – не захочу... Самое страшное, что полюбишь его, а он вдруг заскучает и по сторонам глядит...

Великая я Богиня, но несчастная женщина – как быстро проходят Весны. Я все красивее, но столько пережито – надо поговорить с Зевсом и Хроносом – может можно постепенно забывать старые страсти и возрождаться не только телом, но и внутренним взором, снова тосковать и не знать, как это любить, ждать, ревновать. Жаль я не могу быть бессмертной обыкновенной женщиной!

Великая я Богиня, но как зависишь от этих проклятых мужиков. Как хочется, чтобы один из них любил, надеялся, страдал, а он не замечает или видит во мне богиню – все ниц падает... а то приходит в мой храм, целует у статуи ногу и стонет от любви к девчонке, просит взаимности у нее, а на меня тупа глядит, будто я повар и обещала ему жаркое...

Великая я Богиня – а как боюсь за своих трех девочек... как-то у них сложится жизнь... наобещала я счастья напрямую только Елене, но обе сестры тоже надеются! Не могу же я им поведать правду, что и судьба ненадежна, и боги непостоянны, и прорицатели врут!

ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ

Парни обсуждают первую брачную неделю, сидя близко к берегу на большой лодке – Афродита подслушивает.

Агамемнон и Менелай пристают к Одиссею: «Ну, как у тебя... понравилось?» Одиссей упорно молчал, но улыбался как сытый кот и,

посидев немного с новой родней, испарился – «пойду к жене»... Затормозил на полминуты и переспросил: «Сами-то как?!»

Братья стеснялись сознаться в чем бы то ни было, но явно не выглядели особенно счастливыми. А. выдавил из себя нечто вроде: «Ну, красивая, конечно, но какая-то бешеная... и не поймешь с чего она такая... я думал женщины в общем мягче, что ли...»

Менелай выглядел еще менее счастливым: «Да уж ... совершенно не понятно, что ей надо ... что-то такое про «любовь» ... с рабынями было проще... теперь придется привыкать.... Мне еще здесь придется жить...»

Расстроенная Афродита метнулась к беседке на скале над морем в парке, где сестры обычно шептались тайком от родителей. Тут дело было, пожалуй, еще хуже по сравнению с ожиданиями богини – она очень надеялась, что Микенцы со спартанками поладят... Но дело было пока невеселое.

На самом деле близняшки упорно расспрашивали Пене, как у нее все было. Та пыталась улизнуть от откровенных вопросов, но все же сказала «да» на нажим Кли: «Было ли ей так вот совсем «хорошо», про что толковали служанки?» На аналогичный встречный вопрос обе сестры сначала грустно покачали головами, хотя потом, подумав, Кли скривилась и кивнула. А Лена сделала такое странное движение сморщенным носиком, потом вздохнула и махнула рукой – ладно мол.

Добрая Пене утешила их как могла: «Это придет ... потерпите ... расслабьтесь как-нибудь... они же вам нравятся?» На что сестры неуверенно пожали плечами, но кивнули. Когда Пене заторопилась к мужу, Лена хмыкнула: «час без мужа и назад». А Кли опасно оглянулась и прошептала: «А может мы зря тогда – год назад - не уплыли с теми сиракузскими моряками... потом сказали бы, что нас похитили...».

Лена вздохнула: «Страшно было, но когда Высокий за колено схватил – было жутко и холодно в животе... но какой там! Нас бы заперли, царицами бы мы не стали, а с моряков бы кожу содрали заживо... Это Тесею кража меня как-то проскочила – все же сын Посейдона! И то скорее потому, что на камень Забвения склеротик у Аида сдуру сел... неет, нам эти штуки не дозволены... придется ждать и надеяться... и расслабляться, как Пене советует...»

Афродита сидит с Ледой и Перифеей – три дамы с жизненным опытом - по стаканчику за молодых.

Леда: «Афродита, спасибо, что ты нам так помогла! Думаешь, мальчики и девочки наши будут счастливы? Мы так все спешили, столько царей сплывили – теперь уже не поймешь, так ли оно все... Может поспешили? Что думают Боги?»

Нимфа Перибья: «Я наконец вздохну спокойно – Пене вышла за царя. Интересного человека, бродягу конечно, но любит и любима. Теперь не надо опасаться богов и героев...»

Афродита: «Что бы ни было – это судьба! И все равно нет лучше женихов и невест от Атлантиды до Персии, чем Ваши дети! Жизнь только начинается! Счастье у богов непостоянно... я вот несчастлива намного чаще в своей жизни... Думаете дело в красоте? Неет, чтобы любить – нужно двое! А Его где взять!? Вообще, мужики мельчают! Но я уверена, что Ваши дети станут и знаменитыми и счастливыми – посмотрим, чего будет больше!»

Сцена 4 – 5 Пять лет спустя свадьбы, 1266.

Встреча на террасе – воспоминания и проблемы

Наши герои живут себе скучной семейной жизнью в Микенах, Спарте, на Итаке и в Трое, и уже обзавелись старшими детьми Агамемнон (+7) и Менелай (+6) живут у них во дворце в Спарте еще со времени до женитьбы.

А тогда - в 1266 году – это три красивые дамы 22 лет, царицы и матери обсуждают свою семейную жизнь – они не виделись по меньшей мере год. Им очень хочется откровенничать, но они из гордости стараются хвалить дела и мужей.

Пене: «Все хорошо – теперь есть Телемак и я счастлива.»

Кли несколько подозрительно: «Но ты хотела много детей...»

Пене: «Ну, не все так просто – я едва не умерла при родах. ... Да и Одиссей много путешествует...»

Лена: «По делам царства или для авантюры?»

Пене, почти не скрывая огорчения: «И так и так... Конечно, замужняя жизнь в современной Греции, да еще на маленьком острове – это тоска. Но я смирилась... жду его большую часть времени. Хотя когда приезжает, то два-три месяца мы будто тогда - в начале брака пять лет назад... Как у вас дела, сестрицы? Надеюсь, что у вас – в больших государствах – все более шикарно и весело?»

«Что?! – вскричали Лена и Кли разом – какое веселье! Приемы, маневры, визиты, походы!»

Пене: «Но детей нарожали, так что не зря выходили...»

Лена: «Если бы не Гермiona, не знаю, чтобы я делала... Большая любовь? Тоска, Менелай без Мемнона не знает, что ему сегодня делать: охотиться или молиться!»

Кли: «Мой вообще занят своими грандиозными планами: вооружается и ищет предлога, на кого бы напасть. Больше всего Трое с Приамом и Гектором завидует! Была бы армия и случай – он бы пошел вплоть до какого-то Китая. Оттуда тонкие чашки и странный напиток привозят.»

Пене: «Но у вас трое детей!»

Кли: «Ну, это я сама все подстраиваю, чтобы не остаться совсем красивой куклой на выставке...»

Пене: «Нуу, ты же такая красавица!»

Кли: «Да ладно, красавица... он только про войну, армию, послов. Про меня вспоминает, когда напьется. Я у него как – знаете это троянское верченое с перцем вяленое мясо (loukániko) - вот я то же самое... Быстро закусит и дрыхнет...»

Пене: «Ну, хоть не мотается к каким-то нимфам на островах».

Лена: «Оба они хороши... Менелай все больше и больше к юношам косит глазами, хотя так вроде не заставляла... Я ему не особо интересна – и я его терплю. Он показывает меня гостям как редкую конягу! Типа: «вы хотели видеть Елену – ах, вот она! Елена, дорогая, познакомься с нашим гостем... »

Кли: «Да уж, а Мемнон в походах рабынь возит за собой, а в Спарте во дворце, когда бывает, все на Лену поглядывает и сопит...»

Пене: «Ну не надо – не верю – не может быть!»

Лена: «Эээх, Пене, Он как-то меня прижал в углу на террасе и дышит вином: «Давай мол ... Менелаю на тебя наплевать, он сейчас с египетским рабом – хочешь, покажу их?»

Пене: «Кли – как ты слушаешь такое?»

Кли: «Пене, вернись на землю – эти микенцы: грубые и себялюбивые! Мы думали, что выходим за Царей! Ничего подобного – микенские культурные традиции – это лучше варварства, но в общем это миф! Сами про себя рассказывают, а сами... Мемнон – нет слов! Ну, за Лену я бы его убила... Хорошо, что она знает, как выкручиваться – ты Тесея вспомни!»»

Пене: «Лена, а как же ты от Мемнона отбилась?»

Лена: «А мне не привыкать – живу среди козлов... Мемнон хоть только вином пахнет. Другой – кислым молоком отдает. Но есть такая хитрая молитва в уме – Афродита подарила - у нее те же проблемы. От нее мужики вдруг «слабеют» и сами отпадают какдохлые жуки – да еще и стыдно им...»

Кли: «Пене, дорогая, не сомневайся: если любишь своего Бродягу, вместе вам сладко, так и радуйся... А мы будем тебе завидовать... Лена, надо будет потом Гермioniу и Ифигению на Итаку отправить пожить лет в 7-8 – пусть

посмотрят на счастливую пару – самим пригодится. Ифигения такая хрупкая...»

Божественная элита споткнулась о яблоко = 1266

Входит Одиссей – сестры замолкают. Он рассказывает жене и двойняшкам – после очередного путешествия – эту историю...

Рассказ Одиссея: «Богиня Эрида выпустила склоки в мир так, будто без нее их было мало. Насчет «яблока» - это она здорово придумала. Все это можно было бы пережить, но Зевс поручил неизвестному пастуху Парису рассудить женщин – кто из них «прекраснейшая», как написано на яблоке, а он оказался сыном Приама и братом Гектора! Зачем Эрида все это делала понятно – ее на пир не пригласили, а вот на черта Зевс подставил беднягу Париса – это понять невозможно. Думал, тссс, старый болван, наверное, что пастух нейтрален или его Гера подговорила... Вот вам и вся глубина планирования наших богов...

Парис говорит, что получил поручение Зевса и озадачился: «Что за комиссия, Создатель, судить трех баб на красоту!» Он наивно – ну, пастух – полагал, что как судья имеет некоторый иммунитет от Зевса на проведение честного тендера. Потом он понял, что боги ленивы и не надежны по части выполнения своих обещаний или нести издержки по выполнению обещанного, но было поздно. Так что мы еще не знаем, чем это все кончится!»

Пене и Кли хором: «Ну кто самая-самая!? Кто пришел?»

Одиссей: «Кроме трех богинь никто или не знал, или не рискнул! Пастушок – как сексуально озабоченный тинейджер сваял полного дурака и велел им раздеться – это трем богиням! Он предложил им и думал (как сам говорит), что они его выкинут или вообще лишат дара языка. Но они из чувства конкуренции подчинились! Он считает, что им хотелось покрасоваться нагими – в природе мол женщин.»

Девушки фыркнули, Пене покраснела и отвернулась на несколько мгновений.

Одиссей продолжал: «Ему лет немного - 18 думаю - так что богини думали пошутить и показать себя во всей красе. Это к Гере и Афине – Афродита постоянно слоняется нагой по пляжам. Но если уж разделась, то каждая думала выиграть! И обида проигравших стократно умножается от обиды за унижение. Но как они ошиблись – Эрида сумела всех поссорить! Наверное,

Афродита могла легко проиграть – она-то понимает толк в любви... когда совсем расстроится – сходит искупаться в Пафосе и все сначала можно начинать. Она бы поняла его выбор как политически продуманное осторожное решение. Хотя не знаю, как Гера с Афиной разбирались бы потом между собой. Но проиграть этой вечной «XXX» (не могу при вас повторить, что они говорили Парису про Афродиту), это очень обидно.

А у богинь помимо внешности и внушаемого ими страха есть и третий ресурс – что для подкупа, особенно таких неустойчивых созданий как мужчины... (сестры кивнули) ... Гера предложила ему власть над Азией! Он мне сам рассказывал «Зачем мол мне Азия, папаша Приам и так там все обустроил... что я буду таскаться в короне по жаре на колеснице по колдобинам азиатских дорог и ждать, когда меня отравит мой лучший друг? Нашли дурака...»

Пене: «Боги, где ты только не был! Откуда взялся этот Парис вообще? Гектора помню... А вы как-то подружились?»

Одиссей: «Ну, я же заезжал в Трою, подарки- то вам всем с Востока! Мне Парис сам рассказывал, что Афина предложила ему Славу и Военные победы. Но ему и это не надо – ему было интересно на голых богинь поглазеть. Он, видите ли, Художник! Ему война не нужна!»

Пене: «Художник – это кто делает контуры для рисунков? Нуу! Неужели он отдал яблоко Афродите!? Надо ее поздравить!!»

«Ээх! – Одиссей не мог сдержаться раздражения – и ты Лена так думаешь!? Что ему сойдет с рук такой выбор! Афродита, конечно, красивее... Но Гере лет сколько – она массивная матрона – очень хороша, но не для Пастушка с уклоном в рисование! Во всяком случае – я мельком мог глянуть на его рисунках. Он их делает много так, чтобы если быстро листать, то фигуры двигаются – очень здорово. Может, мы в Трою съездим или он к нам, хотя он богинь вам, конечно, не нарисует. Зато, можно легко попросить его нарисовать Трою, храм Аполлона в городе, птиц над волнами, корабли...

Он рисует на всем: досках, тканях, стенах, выбеленных шкурах, очень любит папирусы – изводит казну Приама на египетскую бумагу. Надо будет собрать и издать: «Рисунки Принца Трои Париса» Жалко, что он уничтожает рисунки богинь – все же боится их!»

«Нуу» – вскрикнули все три!

Одиссей не мог скрыть своего разочарования наивностью сестер: «Ну, какая разница! Она – Гера! И политически она самая красивая! Ну, или Афина – воительница – считай, это же Арес в юбке! Она бы на Олимпийских играх мужиков победила по метанию копья и диска точно, а может и по борьбе, хотя ... хмм – это невозможно себе даже представить. А я бы посмотрел, как она ммм раздетая бросает голых борцов в масле. Хороша, конечно, но это какой риск – ей Яблоко не отдать! Станный этот Парень – Парис!»

Кли: «А на кого он похож?»

Одиссей: «Сейчас - заезжал в Трою – Великий город – намного больше и роскошнее Микен! Итака и даже Спарта – милая провинция. Там очень большие доходы от торговли с Азией и Грецией! Толпы народа со всего мира, от Испании до Египта и Персии. И все им платят в порту, на таможене, за постой, в разных заведениях с едой и вином.

Помните Царя Приама – большой торговый стратег. Гектор – помните его – женился на Андромахе, командует конницей. Ну, я там с недельку походил по базарам, циркам, разным товарным складам. Но сначала, как полагается, я во Дворец ходил, раскланялся, рассказал Приаму о ситуации в Египте (там интриги) и Греции (тут интриги). Они были знакомы с отцом, я давно знаю Гектора – так что все вполне пристойно.»

Кли: «Я не про город спрашиваю, а про Париса!»

Одиссей: «Извини, Сестра, тут все дело в том, что он как бы был пастух, но сам принц! Слухи про его «суд богинь с яблоком» ходят уже несколько месяцев – это все изменило! Родители признали его, хотя в младенчестве обрекли на смерть из-за плохого предзнаменования для самой Трои!

А сам Парис вполне симпатичный, не зануда, скорее веселый... мы с ним посидели, отдохнули от дел. То есть мы свалили из дворца в припортовый район за стеной – там полно харчевен и вино крепче, чем во дворце. Греческие дела у них не главное – бизнес все больше поворачивает на Восток в наши дни, но всем интересно, что такое творится в старушке Греции, Афинах, Коринфе, Спарте. А ему самому надо же кому-то рассказать – знаете, как тому парню из истории про «ослиные уши Мидаса. Так что мне повезло с его историей, хотя и так и так мы с ним сдружились.

Родня от его суда совсем не в восторге – боятся Афины с Герой. Разговаривать об этом запрещено. Приам заводит союзников, Гектор мечется

между Андромахой и конницей... Что Андромаха? Ну, не волнуйтесь – вы будете много шикарнее. Но она очень приятная – вы бы легко подружились.

Но я издалека, друг ему, друг Гектора и скоро уеду – ему, видимо, легче со мной... Вот мне все рассказывают, и он тоже – главное, вы не разболтайте! Мы с ним просидели за вином в таверне в порту, думаю, дней десять подряд... Ему интересны мои путешествия, Спарта – Микены – Итака. Мне интересен он сам даже больше Трои – жалко его не было пять лет назад – я бы выдал кого-то из вас – кроме Пене – за него.

Если бы не явная его наивность при яблочном выборе, то Принц как принц! Но он года на четыре младше вас... Но на корабль в поход я бы его, конечно, взял – намного веселее! А вот Гера и Афина обиделись на Париса и всю Троию из-за яблока...»

Пене: «Все-то ты шастаешь! Но про Троию интересно! А ты откуда знаешь, как богини выглядели? И Афродита? Хоть там тебя вроде не было! Неужели рисунки?»

Одиссей – несколько стесняясь: «Ну, богинь я видел в полуодетом виде – дело нехитрое... И Парис мне их нарисовал цветными красками на гладкой стене – божественно рисует – и сразу стер! Вообще-то он из пастухов попал сразу в принцы и в судьи богинь, а в душе он хороший мальчик – ну, вроде меня. А как он этих троих рисует!!! Правда сразу сжигает рисунки или стирает с камня... Хммм... Что еще будет!!»

«Парис еще мне рассказывал, что он вырос с медведями, была у него любовь с нимфой Эной (сестры вздохнули). И вдруг меня по приказу Зевса тащат судить богинь ... это была ловушка, конечно...

Афродита, говорит, была расстроена чем-то. Кстати, вы же знаете, что она примерно раз в год бывает в таком грустном (и даже плаксивом) состоянии души – видимо, скоро пора в Пафос! А грустная она, видимо, была душераздирающе хороша! Художник и не устоял!»

Пене: «Жалко парня!»

Лена: «Очень молод, но хоть не похож на микенцев...»

Кли с надеждой в голосе: «Может, еще вырастет? Спросим Афродиту.»

Одиссей: «Кстати, он говорит, хотя, думаю, прихвастнул, наверное, что Афродита обещала ему, Парису, любовь самой красивой женщины в Греции!»

«Кого!?» - опять вскричали три сестры разом!! При этом Пене покачала головой от изумления, хлопнула в ладоши и села. Кли расправила плечи и свернула правую руку крюком в бедро, а черные молнии из ее глаз сделали петлю по террасе.

У Лены перехватило дыхание. Она обхватила себя за плечи двумя руками, как бы защищаясь от удара в сердце. Глаза захлопнулись на мгновение и снова широко открылись, откуда сверкнуло синее пламя. Пространство вокруг нее погрузилось в синие облако с внутренним золотым сиянием. Все трое почти испугались – себя и сестер, особенно Лены. Хотя сестры видели ее такой и раньше в моменты гнева или опасности, но не столь взрывной. Потом глазам Лена вернулся их обычный ярко синий свет с искрой - и все выдохнули.

Одиссей замер, у него в голове, наконец, закрутилось, что он лишнее рассказывает, и он скомкал историю: «Она ему не сказала кого именно! Он так и гадает, кто бы это мог быть – мальчишка еще. Но я вот подумал, что жалко Вас там не было... то есть очень хорошо, что вас там не было! Вообще-то вы все трое (шепотом) красивее богинь – еще Кассандра – сестра Париса очень симпатичная растет...

Только я выбрал Пене... Иди ко мне дорогая – я тебя поцелую...

Кли и Лена глядели друг на друга, замерев от ужаса и обиды – за пять лет царицы привыкли заочно соревноваться только между собой! Все в Греции: цари, торговцы, воины, путешественники, жрецы - были жертвами либо одной, либо другой. И какой-то принц-пастушок Парис все спутал!..

Одиссей: «Да, я про вас ничего не сказал, но он слышал, конечно, о спартанских царевнах, спросил так вообще, но спрашивать меня что-то подробно про вас он побоялся...»

Пене: «А как там в Трое мороженное – помнишь, Приам привозил в детстве?»

Одиссей: «Ну, насчет кухни там здорово! И вино получше, и мороженное и вообще они там повара готовят все, что угодно – блюда всего мира!»

Он не стал им говорить, что по сведениям от моряков, Парис с тех пор расспрашивает купцов про цариц Микен и Спарты и пытается уговорить Приама послать к ним посольство. Так Афродита втянула в историю сестеп Париса, которую когда так странно начал Зевс. Дальше Пророчества начинают сбываться – от судьбы не уйти!

Одиссей рассказывает Пене, что он слышал в Микенах от Агамемнона: «Понимаешь, Родич ты мой, рано или поздно Микены должны будут пойти войной на Трои. Она блокирует экспансию Микен как союза царей, явного или подразумеваемого. Нужен будет предлог или причина! Или Троя нападет на кого-то из наших союзников, или обидит купцов, или вступит в союз с какими-нибудь врагами. Если они ничего не сделают подходящего, то я что-то изобрету подходящее...

Вообще – они слишком много на нас зарабатывают, точнее на нас и на Азии. Они грабят и нас, и азиатов. Приам блокирует попытки пройти с товарами сквозь них в Азию. Я был у них – все вежливо, подарки, но это крохи по сравнению с их доходами. И эти ярмарки, трактиры, фокусники, храмы других богов – раздражает наших небогатых консервативных ахейцев. Цари получают небольшие торговые налоги, а ахейцы от бедности продаются в наемники-гоплиты по всему миру. Но для такой войны нужно будет объединить весь цивилизованный мир!»

Агамемнон любил слышать рассказы о Трое и мечтать о своем визите туда во главе армии. ЯЕго посещали простые мысли: «Интересное место эта Троя – не только море и огромные пространства, леса – поля, сады... Надо только убить Гектора и все его семейство... Внезапно приплыть, захватить ворота и послать чумового Ахиллеса порешить всех во дворце... Одиссей дорогу покажет, но ему нельзя ничего заранее – слюнтяй... Париса также убрать...

Ну, там много народа – надо собрать кораблей 10 – зайти ночью бойцов двадцать – 10 во дворец, а 10 к воротам – чтобы открыли. Но главное - это убить Гектора. Ахиллеса надо натравить... придумаю как ... Елену на цепь посажу, а Менелаю пару мальчиков...

Или взять судов 30, чтобы войск было тысячи два-три... И сразу ко все ворота, Ахиллес идет во дворец и убивает всю семью... Главное – убить Гектора и Париса. Елену – на цепь, будет рабыней...

Хмм, а вдруг он окажется вне города... лучше всего собрать кораблей 100 при везти большую армию, осадить, устроить поединок Ахиллеса с Гектором

– главное его убить... Потом я сяду в Трое, Менелай путь со своими мальчиками в Микенах валаңдается – как мне тут скучно... А потом с армией пойду из Трои завоевывать Азию... Возьму по жене из каждой страны – Клитемнестру отправлю на Итаку – пусть там детей растит... Елену на цепь посажу как рабыню, зазнайка, дочь Зевса ... Главное – это убить Гектора... ну и Париса натурально к ногтю... пусть на том свете ищет самую красивую покойницу. Надо поговорить с Афиной...»

**Акт 3 – сцена 5 = 10 лет после свадеб - катастрофа семьи Менелая...
1261- весна!**

Следующая роковая сцена случилась опять на день рождения и примерно совпала с 10-летием трех свадеб. Та же терраса – все в сборе - дети у нянек, мужья пьют сами по себе – можно поговорить... Все снова собрались в Спарте в старом дворце у моря. И боги тоже...

Тиндарней и Икарий, Цари Спарты с женами, умирают от холеры, когда их дочери родили старших внуков, то есть по 18-19. Менелай становится царем Спарты, а Агамемнон едет царем в Микены. Последнее, что успевают сделать Тиндарей с Ледой и Икарий с Нимфой Перибеей - это выдать замуж дочерей и взглянуть – хвала Зевсу – на внуков.

Лена: «Вот 10 лет мы замужем, дети растут понемногу... А наша жизнь течет как прибой, бьющий о скалы у дворца... Дни отличаются силой ветра, шумом и тем, до какой ступени долетят брызги... Ну, скоро гости начнут собираться. Пусть немного, но, кажется, даже из Трои кто-то может приехать.»

Пене: «Как хорошо дома и с вами, и с детьми. Все-таки хорошо, что мы вышли замуж... 10 лет! И Одиссей вот-вот приплывет – голубя прислал.»

Кли: «Мемнон что-то задумал, все куют, армия на маневрах, корабли оснащают... тревожно... правда, это он давно так...»

Лена: «У него все-таки мания величия... рано или поздно он что-то устроит... похоже, ему предлог нужен, чтобы напасть в этом году на кого-то. Скоро 10 лет как царствует, а еще толком никого не победил...»

Афродита подслушала разговор трех сестер в беседке и летит к Парису в Трою: «Пора в Спарту! Елена еще прекраснее, чем я думала, хотя Кли не хуже. У всех сестер чудесные дети – мне еще на поколение интересной тьюторской работы. Секретов я тебе открывать не буду, но Лена в браке несчастлива, Кли – тоже. Обе несравненны – подумай, кто тебе больше понравится! Я бы сказала, что по части ... ммм, любви ... посоветовала бы обратить внимание на холерическую Кли, хотя у нее много детей. Елена как-то спокойна! А Кли сама могла бы стать царем и повести армию в поход! Агамемнон, возможно, сам неровно дышит к жене брата...»

Парис еще в Трое: «Ооо, Дорогая Прекрасная Сводня – вылетаю с первым парусом!»

Пене: «Ну, отпраздновать успеем – кажется, корабли пришли – кто там наконец...»

Кли: «Рабыня говорит, что цари Одиссей с Итаки и Парис из Трои прибыли...»

И три сестры переглянулись таким долгим взглядом, который только у самых близких людей за несколько секунд передает и оценку ситуации, и большую гамму эмоций, и план действий на неделю!... Потом разом поднялись, повели головами и плечами, и нарочито медленно поплыли к лестнице Посейдона встречать гостей.

Одиссей как почти хозяин вышел на полшага впереди и сделал приглашающий жест Парису, который переставляет ноги по ступенькам так, будто поднимался по скользким дельфинам и боялся поскользнуться. Ему было страшно, как в 5 лет от роду от медведя, а 5 лет назад от трех богинь. Но он пытался убедить себя: «Ну, спартанские царицы все замужем, Афродита неизвестно где, чего мне бояться...»

Пене шла с легким сердцем к Одиссею и фактически они вдвоем заменили хозяев дома с точки зрения приема заморского Принца.

Кли шла второй и смотрела на Париса с интересом, но без большого волнения: «Приятный, ладный... хорошо одет и причесан, цепь из белого золота на фиолетовой рубашке – со вкусом...» Парису она показалась ослепительной: «Ну, восхитительная красавица, но не «она» - это прямо Афина, копы не хватает...»

Из-за сестер вышла замешкавшаяся Лена, у которой колотилось сердце как в детстве в грозу: «Он так изящен, смотрит в глаза – они серые... Это Он – всё...» Парис не мог уловить никакой своей мысли – он был полностью прикован к синим лучам, истекавшим из ее глаз и превращавшим его в Луч – без тела и забот: «Это Она – всё». Они были в синем облаке - у обоих упали сердца.

Происходившее с этой парой окаменение заметили только Одиссей и Клитемнестра – и оба испугались. Но тут вошли Мемнон и Менелай и церемония встречи, выражения радости и приглашения в дом пошла обычным царским порядком.

Парис участвовал во всех пирах, прогулках и разговорах так, будто это был какой-то другой человек – он улыбался, кланялся, отвечал на вопросы. Но у

него было никаких мыслей, только: «Она повернулась... улыбнулась ... старается на меня не смотреть ... какая Гермиона хорошенькая и веселая ... Да, Гермиона, Троя очень большой город – да, там есть слон и верблюды... ты любишь животных? А, у тебя есть собака – это здорово! Тебе уже 8 лет, а я думал уже 11... правда – я умею рисовать – хочешь тебя нарисую... вот так ... похоже? Понравилось – отдай маме...»

В это время Лена развлекала царей и дамским боковым зрением фиксировала: «Смотрит на меня, снова... ушел от гостей и разглядывает меня со всех сторон, подниму голову – встряхну волосами ... хитрый – все с Гермионой разговаривает ... рисует ... Гермиона что-то несет на подносе от него – придется поблагодарить...» и так прошел мучительный день – поговорить им не удалось совсем...

На третий день Менелай утром объявил, что «должен уехать на похороны, но Елена будет хозяйкой и обо всех позаботится!» На проводах между Еленой и Парисом оказалась только Гермиона, которая была счастлива обрести взрослого друга, с которым можно рисовать и говорить о собаках и слонах.

Парис: «Чудесная у Вас дочка, Глубокоуважаемая Елена, так похожа на Вас – так и видишь Вас в детстве – наверное, было весело тут втроем с сестрами!?»

Лена: «Да, нам было тут очень хорошо... нам еще в 8 лет подарили маленьких лошадок и мы ездили впятером (с Близнецами) по окрестностям... а что Вы делали в 8 лет?»

Парис: «О, я был в изгнании в лесу с медведями и не знал, кто я!»

Лена: «Ах, это было ужасно?»

Парис: «О нет, было весело потому, что все важно в сравнении – теперь я принц, но не стал намного счастливее...»

Лена: «Но почему же ... Одиссей говорил когда-то, что Вы хорошо рисуете.»

Парис: «Я стараюсь – мне больше нравится бывать с артизанами, чем с Гектором в коннице... рисую я не очень хорошо, но Феб помогает мне совершенствоваться.»

Лена: «Нарисуйте море и чаек – он рисует на пергаменте – оо, это очень красиво!»

Парис: «Здесь в Спарте, вокруг Вас – все так красиво! Ах, простите, Вы с сестрами делаете все вокруг таким красивым...»

Лена: «Вы мастер комплиментов...»

Парис: «Я говорю только правду – все, на что вы взгляните – расцветает!»

Лена: «Все что Вы рисуете – оживает!»

Парис: «Можно я нарисую Вас!?»

Лена: «Меня надо оживить?»

Парис: «Я мечтаю об этом!»

Лена: «Мне надо на что-то посмотреть – проверить, расцветет ли...»

Парис: «Конечно, но уже все расцвело!»

Лена: «И все ожило...»

Это было их царское объяснение в любви...

Он положил руку на голову Гермiony, но там же была рука Лены – она не отдернула руку – он мягко сжал холодные пальчики, и они сразу согрелись.

Гермиона убежала, а они еще долго стояли в странной позе с повисшими в воздухе руками и смотрели, как исчезает парус корабля Менелая.

Лена и Парис почти не думали ни о чем с этого момента, даже не вспоминали Афродиту – та наблюдала за ними с нарастающим ужасом: «Что я наделала! Но какая любовь и страсть идет на Землю! Меня не простят, но эти двое станут героями всех времен и народов!»

Это объяснение происходит днем третьего дня по возвращении Одиссея и приезда Париса. Пене пытается поговорить с сестрами.

Пене: «Лена, ты очень много стоишь рядом с Парисом... вдруг он возомнил тебя частью пророчества Афродиты на суде!? Ты понимаешь, чем это грозит! Мой муж тоже озабочен... Я тебя понимаю, но отъезд Менелая делает всю ситуацию очень рискованной... могут слухи поползти...»

Елена с отсутствующим видом: «Ты совершенно права – мне надо держаться подальше от него... Кстати, ты не могла бы забрать на Итаку на летние каникулы Гермionу – ей тут будет скучно...И вообще я ужасно волнуюсь за Гермionу. Калхас пророчит ей плохого мужа – куда ей бежать – в Понт на Тавриду и ждать политических перемен? »

Кли с подозрительным прищуром: «А ты сама-то где будешь?»

Ночью Елене не могла спать и что она видела – было то ли сном, то ли беседой с Клитемнестрой: «Кли, я не могу идти по прямой, ем только хлеб яблоки, не могу пить вино, не сплю и почти не дышу... то мерзну на солнце, то жарко мне в прохладе ночи...

- Кли: ты влюблена... О! как я тебе завидую – сбылось предсказание Афродиты ... а он? –

Лена: Он? Совсем не понимаю, но он как бы излучает тепло ... я так постепенно ... по спирали к нему плыву – будто по ветру или по течению, ног не замочив... мы боимся встретиться глазами, чтобы не вспыхнула молния ... страшно, если молнии не будет и страшно, если она сожжет... мы взяли одно и тоже яблоко с блюда и пытались отдать другом так, чтобы не коснуться пальцами ... яблоко стало горячим ... мы его отпустили, а он оно повисло в воздухе ...»

Пене утром за обычным завтраком втроем спросила кузину, которая была сама не своя: «Лена – что с тобой!?»

Кли: «Неужели это то пророчество? И ты на это поведешься? Ты теперь «самая»? А мне пора переходить на воспитание детей... Но я уже больше думаю о детях, чем о пророчествах...»

Лена не то грустно, не то испуганно: «Ерунда это – самая и ему... А вот «большая любовь» - может быть... девочки, я похоже пропала... Где Афродита?»

Пене: «Не делай никаких глупостей – у тебя праздник – 10 лет замужем! Не поломай с этим Принцем своей и, кстати, заодно и нашей жизни ...»

Кли: «Слушай, надо поговорить с Одиссеем и Мемноном!»

Лена: «Кли - ты не обижайся – что он так смотрит на меня... и я чувствую что-то небывалое ... если это не большая любовь, то что же это?»

Кли с завистью и острым любопытством: «А что ты такое чувствуешь?!»

Лена: «Голова в тумане, и я почти не думаю, сердце остановилось, дышу маленькими глотками – не могу вздохнуть, в животе жуткий холод и иногда судороги, бедра не держат, колени сгибаются, по лестнице не могу ни вверх, ни вниз... наверное, мне что-то такое хочется ... но от Менелая ничего такого никогда не было...»

Кли: «А может ты и вправду дождалась – опять тебе повезло... Пене, как ты думаешь?»

Пене: «Лена, у меня так бывает, когда Одиссей возвращается из плавания – очень похоже... Кли – похоже, ее и вправду скрутило... а что делать?»

Лена: «Девочки, отпустите меня – пусть потом на меня Зевс обрушит небеса, но я с 8 лет слышу от Афродиты, что меня ждет Большая Любовь... мы еще не говорили с ним ни о чем, а я дрожу и голову потеряла.»

Кли: «Он, конечно, предложит бежать – что делать нам? и что сделает Мемнон? – вот в чем вопрос!»

Разговор окончился ничем...

Лена лихорадочный внутренний монолог: «Люблю – это ясно... Гермiona – ей нужно быть подальше от нас всех – к Пене на Итаку на год – потом вернусь и заберу ... Афродита обещала – теперь непонятно куда деваться ... Парис! ... что чувствует он? Надолго? ... это Любовь или спорт «Принца в походе»? ... проверить нельзя – это или поверить или нет... если нет, то терпеть Менелая с мальчиками – возраста растущей Гермiony и приставания пьяного Мемнона... сколько тут удастся отбиваться ... бедная Кли – какой идиот! ... одной Пене повезло с Оди – он поможет бежать ... бежать с Парисом? ... куда бежать – в Троию? ... Приам меня примет? Феб поможет – он там главный бог!? ... большая семья – если примут, то могут заплатить выкуп? ... сколько я стою на серебро? А на золото? ... Где этот Зевс – бедная мама, изнасиловал и бросил – стиль богов! ... Получается, что надо спасти Гермionу и уходить – ту не выжить – там судьба совсем непонятная... Но главное – любовь или так просто? ... Это надо почувствовать! Если да – бежим... новая большая жизнь!? ... я как не жила – только Гермiona ... да она скоро вырастит сама... тогда поговорим с ней... но здесь не жизнь – оЮ боги, дайте знак!»

В это время Парис вышел к морю и вслух жаловался волнам на сердечную боль...: «Значит, Любовь существует и берет за сердце – надо бежать отсюда! Но бежать в Троию и там умереть от тоски? Это если одному бежать, что было бы разумно... или пытаться поговорить с ней?...»

Афродита, как обычно, подслушивала, но не знала, что делать. Она была в той замечательной стадии своего индивидуального цикла – она надеялась на будущее, хотела новой любви сама и решила поговорить с Пене: «Для меня счастье видеть «Большую Любовь», о которой сама твердила и мечтала. Но

дальше это либо Любовь счастливая хотя бы коротко, либо ужасные страдания у Лены и Париса, если нам удастся их развести по разным сторонам Эгейского моря... что думаешь?»

Пене: «Понимаю – теперь понимаю – потому, что сама люблю. И за Одиссеем бы убежала... и от семьи и от мужа, если бы меня успели за кого-то выдать замуж...»

Афродита: «Я начинаю склоняться к тому, что не надо им мешать – я сама в надежде... Кли, дорогая, давай посмотрим на них – может, им повезет в жизни?»

Кли надулась, вздохнула, но кивнула: «А что делать! Как мы их остановим – мы же не выдадим их Мемнону, хотя пока вроде и нечего сказать... Может, как-то пронесет.»

В это время пополудни Четвертого дня с приезда Парис и Лена сложно маневрировали по дворцу в поисках друг друга. Наконец, им удалось сесть напротив друг друга за столом на самом виду и немного поговорить.

Парис осторожно признался: «По правде – никогда не хотел и не хочу быть Принцем, да еще в Трое – у нас все строго. Отец – Великий царь и у него главное торговля, войны, безопасность!»

Лена: «Какой Вы необычный принц – что же Вы хотите, рисовать?»

Парис ей одной: «Художник – это все-таки трудно – нужен талант и много работать. А еще думаю - я мог бы стать Аэдом – ходил бы с рассказами о Богах и Героях, о Богинях и Красавицах. И раз уж я «Парис» и судил богинь – я мог бы прокормить небольшую семью рассказами для людей! Еще я умею играть на пастушьей дудке, которую мне сначала сам Пан подарил! Потом Феб научил меня на кифаре играть... А любимая женщина мне бы пела! И мы бы вместе выжимали виноград и делали хорошее вино!»

Лена: «О, Принц, сыграйте нам на Дудке Пана или на Кифаре. (Он кивнул) Дети, идите сюда. Принц Парис согласился сыграть нам на Дудочке от самого Пана...»

Одиссеем мигнул и раб принес Дудку из комнаты Принца... Принц заиграл, но то ли Пан, то ли Феб помогли ему и все были зачарованы («Дебюсси» - послеобеденный отдых Пана?)... Даже Агамемнон почти уснул.

Кли: «О, спасибо, Принц – детям все очень понравилось, особенно Ифигении. А Вы могли бы нарисовать нас?»

Парис: «Если найдется чистый пергамент или папирус – Вас нарисовать?»

Кли шутит: «Нарисуйте нас – трех сестер – но не на конкурс!»

Парис: «Вы хотите просто портрет или что-то особенное?»

Пене страшит ситуацию: «Нарисуйте нас, как будто мы едим персики – Три царицы с персиками!»

Парис рисует на трех пергаментах: Пене держит персик левой рукой и улыбается; Кли держит персик на острие небольшого ножа правой рукой и улыбается; и Лена изящно разламывает персик шестью пальчиками и улыбается. Все в восторге.

Вечер заканчивается – Афродита просит Артемиду помочь, и они опускают туман на Дворец на закате. Все уходит спать, а Лена и Парис исчезают, не сговариваясь, в шум прибоя на камень, который не виден из Дворца.

Они говорят сразу обо всем: о детстве во дворце и на горе, о похищении Тесеем и опасной медведе; о покойном Тиндарее и суровом Приаме. Они не могут наговориться. Потом он держит в ладонях ее прохладный и мокрые от брызг пальцы и крайне почитителен. Он шутит, что его слава как судьи ему очень мешает в жизни... и она смеется, как никогда в жизни...

Богини сделали так, чтобы их не искали, так что все мирно идут по своим комнатам. Через два часа он не выдерживает, целует ей руку и говорит: «Люблю навсегда – мы можем спрятаться от мира сначала в Трое – чудесный город – а потом спрятались бы от мира, забрали бы Гермionу – например, в Тавриде...»

Лена сжимает пальцы и грустно: «Нас будут искать!»

Парис: «Менелай?»

Лена: «Ах, нет – скорее Мемнон и все цари...»

Парис: «Приам будет разгневан, но защитит нас – сына и знаменитую Елену, которая сделает Троию еще более знаменитой, подтвердив пророчество Афродиты! Если любишь – бежим!»

Лена: «А Гера с Афиной – они тебя не простили и вряд ли полюбят меня...»

Парис в отчаянии: «Ты права, но любовь может быть сильнее гнева царей и богов... Любовь – это Судьба сильнее пророчеств Калхаса!»

Лена: «Я дочь Зевса – они не посмеют меня тронуть! А за тебя страшно!»

Парис: «Так это меня только успокаивает! Если Вы – ты защищена, то я готов умереть за три дня счастья вместе! Бежим!»

Лена: «Люблю, но страшно... дай мне день... три дня – это больше, чем ничего, но тебе надо жить!»

Лена выходит на террасу, где ее поджидает пьяный Мемнон: «Ллеена, твой Менелай наконец убрался – и мы можем заняться царской любовью... Иди сюда» - хватает ее за талию и руки.

Лена отбивается и дает ему локтем в скулу – ей некогда вспоминать ту специальную молитву Афродиты. Удар усилен Артемидой и он отлетает! Мемнон в бешенстве, но чуть трезвеет: «Ну, смотри, откажешься – все равно скажу брату, что ты меня соблазнила – тогда посмотрим!»

Лена понимает, что жизни ей в Микенском мире уже совсем не будет.

Парис не видел стычку, но идет к Одиссею: «Оди, я пропал и Лена – самая Прекрасная, как обещала Афродита!»

Одиссей: «Сумасшедший – вы что!?»

Парис: «Не знаю – надеюсь, мы бежим! Она дочь Зевса, а я готов умереть за любовь...»

Одиссей: «Ужас – Мемнон устроит войну – он только ждет предлога!»

Парис: «Приам заплатит выкуп за нее...»

Одиссей: «Это если Мемнон не устроит Очень Большую войну из жадности!»

Парис: «Ну, никогда не воевали из-за женщины...»

Одиссей: «Эээ, смотря какая женщина, и что за этим стоит! Попробуешь увезти!?»

Парис: «О, если она любит, то мы убежим... Не советуешь!?»

Одиссей: «Не знаю – конечно, если любите оба, то это свершение сразу двух прорицаний: ей и тебе! Тогда это Двойная судьба (Калхас сказал бы «Гюбрис») - ей будет лучше с тобой, и тебе! Если надумаешь ... – сделай так, чтобы никто ничего не понял, я не знал – и чем смогу...»

Парис: «Главное - увези Гермению с Пене от Мемнона до того, как что-то произойдет... лучше завтра утром... с запасом времени»

Одиссей: «Дети собрались на Итаку: Гермiona с Пене, ей не надо ничего понимать – утром так утром – с восходом солнца, чтобы успеть до обещанного дождя... Я останусь подстраховать все и вся. А что Кли?»

Парис: «Кли может позавидовать и когда-нибудь проговориться про тебя, меня и это Ваш царь-герой все разнесет! Молчим...»

Одиссей: «Откуда ты взял, что Кли может позавидовать? Они очень дружат с Леной!»

Парис: «Но если Лена ... то предсказание реализуется – это шок!»

Одиссей: «Понятно, правильно ... не бери никакого барахла, уходите с вечера и спрячьтесь сначала где-то Керкире или Крите... погоня будет веером. Тут полно царей с кораблями...»

Утром пятого дня Пене уезжает к себе на Итаку с Телемаком и Гермियोной. Лена дарит свою куклу дочке: «Тебе давно ее хотелось – смотри, какая она стала красивая и счастливая – как я сейчас и какая ты потом будешь! А я уже немного выросла из кукол.» Одиссей обещает Пене вернуться домой как можно скорее ... полдня проходит спокойно.

Парис возился эти полдня на своем корабле – вроде воду заливал... От Хозяев (Лена) приносят ему в подарок грубый деревянный сундук с какими-то снастями, который оказался легким и его доставили четыре личные рабыни Лены, которые исчезают на корабле. Там Приданое Елены – они же сокровища Менелая!

Одиссей: «Лена, зачем ты тащишь какие-то сундуки на корабль Париса...»

Лена: «Это мои вещи и подарки семье Приама...»

Праздник 10-летия свадеб начался еще до приезда Париса и все устали, цари уже собрались разъезжаться и паковались. В отсутствие Менелая и Пене они окончательно собрались, и Агамемнон рассказывал им про богатства Трои... Все вздыхали.

Парис говорил, что главное: «Большой храм Аполлона! А также это ярмарки, цирки, столь многое, что оказывается в городе из Азии, включая богатых сатрапов, которые приезжают развлекаться, охотиться и отдохнуть от семейных и государственных дел.»

Весь день оба героя романа почти не общались, но действовали совершенно координированно. Пульса и дыхания они не чувствовали. Парис вышел в

море на двух кораблях, почти не таясь, а Лена приплыла на лодке за мысом. Одна из служанок сестер ходила по дому походкой Лены и в ее одежде, что также оттянуло раскрытие заговора на несколько часов.

К вечеру, когда все успокоилось во Дворце, обнаружилось, что ни Париса, ни Елены не видно. Мемнон был пьян, цари плохо соображали от обжорства. Кли была слишком занята детьми, что искать кого-то. Одиссей вызвался рассказать детям путешествие Ясона в 10 раз. Сначала отсутствию Лены не придали значения, но потом Мемнон возжелал еще раз поговорить по душам с женой брата, но не смог ее найти.

С террасы кто-то из царей-мореходов углядел на горизонте два одиноких расходящихся паруса, которые можно было заметить даже при серповидной Луне. Но сразу отплыть за ними никто не мог. Одиссей и Кли очень страдали, но предложили все решить утром.

Парис и Лена сидели на носу своего корабля, вглядывались в чудесный Закат - потом на Серп Луны. А кораблик летел с помощью Посейдона (по просьбе Афродиты, Феба и Артемиды) по легким волнам. Он обгонял чаек так, будто у него были подводные крылья. Пара беглецов обнялась и завернулась в кашемировое (троянское) одеяло. Покой и счастье сошло на них настолько сильно, что даже желание оказалось отложенным на срок сладостного предвкушения.

Раннее утро было тревожным и суетным! Цари проспались и посмеивались – они еще не вспомнили про клятву 10-летней давности. Агамемнон раздирала ревность и злоба: «Вот ... - меня отвергла, брата обидела, с мальчишкой художником сбежала!» История греческого мира на этом была решена...

Он и полдюжины царей бросаются в погоню за беглецами! Шикарные гонки на гребных судах и при парусах. Но Артемида взялась помочь влюбленным по просьбе Афродиты и из солидарности с Фебом – близнецом и покровителем Трои. И еще она не любила Микенцев – у них была плохая наследственность от Атрея и они всякую охоту превращали в бойню. Правда, Конкурс красоты трех богинь она считала идиотским изобретением Отца, а Париса никчемным принцем – но пусть люди развлекаются.

На рассвете Мемнон с пятью кораблями и несколькими царями бросается за парусом, который идет на Восток в Эгейское море, обещая царям: «Отнять Лену и посадить Париса на цепь – но раз принц – то на золотую.» На самом

деле на том корабле уплывал доверенный адъютант Париса с письмом Приаму и Гектору.

На Юг и потом в Ионическое море за вторым парусом красиво гнался Одиссей с тремя кораблями. Но этот второй парус растворяется в тумане (убирает паруса и складывает мачту), делает дугу на Запад. Одиссей возвращается через два дня в Спарту и рассказывает царям и Кли: «Так и не ясно, на котором из троянских кораблей ушли сами Беглецы, скорее все-таки прямо в Трою. Будем надеяться, что Агамемнон их поймают. Наша цель исчезла, но непонятно, кто на ней – скорее это адъютант Париса – такой ловкий парень, пытался увести нас со следа!»

Мемнон возвращается через пять дней в полном бешенстве: «Ветер все время дул нам навстречу, мы гребли, но был еще и дождь и волны нам в лицо, а вдали мы видели солнце. Парис, видимо, ушел от нас, но мы пойдем походом на Трою – я все обдумал!»

Письмо Париса Приаму при побеге, отправленное с адъютантом:

«Великий Царь и Отец, Дорогой Брат! Предначертания богов в моей судьбе свершились вновь. Простите меня за дерзость и действия, несовместимые со статусом Принца Трои, но судьба сильнее меня, как это было на Суде Богинь. Прекрасная Елена – дочь Зевса и жена Менелая – полюбила меня. Обещание Афродиты сбылось дважды: я полюбил ее – это ее «большая любовь», а меня полюбила самая прекрасная женщина мира. Ваша воля меня наказать и прогнать – я готов заплатить любую цену и согласен на все с тем, чтобы Семья и Троя не имела каких-либо последствий от моих действий. Жду Вашего решения!

Ваш любящий сын и брат Парис.

1261, Спарта

ПС

Мы с Еленой в тайном укрытии под защитой богов – но явимся по Вашему приказу!»

На самом деле Артемида с Посейдоном организовали задержку Мемнона в погоне за кораблем в Трою, пока Одиссей и цари продолжали выпивать. А исчезнувший парус на Запад в действительности уже первой ночью пролетел (с помощью Посейдона) три дня пути обычным ходом. Он зашел в пещеру маленького уютного островка «Три скалы», на котором Афродита слетала за

несколько часов до прихода корабля оборудовать поуютнее маленький домик в долине за ветром. Туда-то и спрятались Любовники на добрых 10 дней – Лена еще попросила Посейдона прикрыть остров так, чтобы никто не видел их: ни люди – ни боги. Это редкое удовольствие было им даровано.

После первой ночи и дня они вышли на верх горы и долго благодарили судьбу и богов, особенно Афродиту. Эти дни вернули им все счастье в мире, которое они упустили ранее.

Парис: «Счастье осознаешь, когда нечего больше желать, хотя теперь, наверное, многие позавидуют нам, вернее, позавидуют мне! Я дважды сделал правильный выбор и остался счастлив – очень большая удача!»

Лена: «Вот обещание Афродиты сбылись – дальше пусть будет, что будет. Мне не все равно, что с нами будет, но я не могу даже придумать, что еще просить у богов!»

Приезд беглецов в Трою – описание величия города: дворец, гавань, площади, харчевни, запахи и музыка... Развод с Менелаем? Храм Аполлона. Встреча с Приамом – тот горд такой невесткой, но понимает риски!

Гектор: «Парис, ты хоть понимаешь, что ты натворил!?»

Парис: «Надеюсь на выкуп, никто не захочет воевать с могущественной Троей из-за женщины...»

Гектор: «Я помню Мемнона и слышал про его психику, но как раз важнее жадность царей – у всех будет призрачный шанс что-то урвать от нас! В общем: хочешь мира – готовься к войне...»

Акт 3 - Сцена 6. В Поход – Трагедия Клитемнестры: 1261

Агамемнон на собрании царей в Спарте после бегства Париса и Елены: «Мы не догнали Париса на море – мы догоним его в Трое! Он, Приам и Троя заплатят за унижение Великих Микен и моего брата Менелая – я послал уже за ним! Вы все поклялись 10 лет назад защищать семью Елены и ее будущего мужа, кто бы он ни был – теперь надо защищать Менелая!»

Цари дебатировать, только один царек, которому Одиссей незаметно подкинул странную идею, усомнился: «Но ведь мы должны защищать семью Менелая – это в случае, если Парис увез твою жену и сокровища! Имеет ли силу наша клятва, если Елена просто добровольно сбежала и прихватила свое приданое. Может быть, в этом случае, поступок Париса и Елены непристойен, заслуживает наказания, но не войны!?»

Мемнон: «Юридические детали мне не интересны – Брат обижен – надо выполнять клятву..»

Менелай возвращается и страдает от унижения: «Дорогой Брат, Цари, я не люблю Елену! И ее бегство не сделало больно моему сердцу, но я полагаю, что она убежала добровольно и увезла наши сокровища. Они отчасти были ее приданым от Тиндарея, но это ничего не меняет!»

Цари: «Шум - в смысле «надо отомстить и наказать!»

Менелай: «Ради мира я готов отказаться от Елены, взяв выкуп!»

Но Агамемнон и жадные цари не согласны на компромисс. Им нужен поход, хотя они не думали, что на 9 лет!

В Микены, куда переместилось все собрание ахейских царей, приезжает Посол Трои – его пытаются убить – Арес прячет его. Приам предлагает Менелая выкуп:

«Уважаемый Менелай, Мое горе безмерно – мой сын нарушил законы гостеприимства. У него нет оправдания среди людей и особенно среди царей! Не прошу простить его, но прошу не ставить его вину как основание для межгосударственного конфликта.

Елена – дочь Великого Бога и я не могу решать ее судьбу – она не хочет жить без Париса. Воля Богов Олимпа священна – пусть они решают судьбу беглецов!

Предлагаю – пока боги думают над этой проблемой – заключить соглашение. Я запру беглецов в крепости в пустыне врозь так, чтобы они страдали! А пока боги думают – например, год – хочу предложить отменить все налоги Спарте и Микенам при торговле в Трое. А от меня лично верну трижды стоимость ее приданого плюс золота в вес Елены.»

Все собрание кричит: «Мало! Он жаден – она весит слишком мало, а нас слишком много! И наши принципы стоят очень дорого!»

Мемнон: «Мы соберем армию в 1000 кораблей и 100 тысяч бойцов. Мы возьмем Троию за неделю – ну, за месяц! И мы идем туда из принципа – как дали клятву 10 лет назад. Мы возьмем, лошадей, все золото и Елену. Или они отдадут все, или мы снесем стены!»

Тут есть нестойкие, которые думают, что можно простить измену, но не Дому Микен! И другие думают, что троянцы – тоже греки и молятся тем же богам! Но нет – они не те греки, они погрязли в разврате с азиатами. Они не почитают Афины выше других богов, кроме Зевса! Живут в роскоши, которую приобрели на наших товарах, которые перепродают в Азию! Сейчас или никогда – надо сплотиться всему цивилизованному миру и сокрушить это опасное заносчивое племя, пока они не натравили на нас азиатов!»

Много вина и энтузиазма царей. Одиссей в отчаянии. Кли сначала открыто поддерживает поход – она царица Микен (и Парис не ее украл).

Речь Кли: «Десять лет назад я вышла замуж за Великого царя – сейчас моя сестра бежала и нельзя позволить такое поведение! Они говорят, что Афродита послала им Большую Любовь! Но мы жены и матери не можем нарушить законы семьи. Или пусть Боги дадут какой-то ясный знак, что Олимп готов терпеть этот ужасный поступок. Я не хочу навредить моей сестре, но я царица Микен!»

Маленькое судьбоносное совещание на Олимпе у богов:

Гера: «У людей нет совести и здравого смысла – одна жадность и похоть – особенно у троянцев. Мы с Афиной поддержим поход ахейцев и Великого царя Агамемнона против этих азиатских троянцев, которые только притворяются, что верят в Нас... они там слишком хорошо живут, обирая и азиатов и истинных греков – ахейцев.»

Артемиды: «Мы с Братом полагаем, что можно уладить конфликт без войны. Если Зевс с Посейдоном сохранят нейтралитет, то мы готовы извиниться перед Герой и Афиной за наших троянцев и беглецов от Большой любви! Конечно, выглядит все это некрасиво – бегать от мужа. Но ведь и рождение Елены – не вполне беспорочное... Но никто не воюет по этому поводу..»

Афина: «Нельзя прощать такие оскорбления! Микенцы должны сами решить эту проблему. Троя должна много больше, чем золото!»

Феб: «Но я покровитель Трои и Гектора – должен им помочь. Я не могу спорить с матерью, но Зевс – пусть они не рассчитывают на легкую победу! Что думаешь Арес?»

Арес: «Это несправедливо – троянцы добрые войны, приносят жертвы и сдерживают Азию... Иначе племена огромной Азии захлестнут Грецию и цивилизация погибнет. Гектор с конницей держит всех на расстоянии. Вы как хотите, а я пойду с Гектором – он в коннице, а я на своих сандалиях с копьем посмотрю в пехоте, какие там ныне Ахиллы водятся!»

Отплытие – драма.

Армада в 100 тысяч воинов собирается все лето и в момент отплытия нет ветра. Артемиды пытается задержать поход – нет ветра - и дает предсказание, что Агамемнон может вызвать ветер ценой жертвы старшей дочери, Ифигении. Но Агамемнон вне себя и готов пожертвовать маленькой Ифи – тонкий ход Артемиды затормозить поход не прошел...

Армада отплывает, а Кли не может найти дочь, опрашивает всех! Никто не знает, пока над ней не сжалился Арес: «Мемнон принес в жертву Ифигению, чтобы успеть доплыть к Трое до осенних штормов... но есть надежда, что ее судьба не столь плоха для ее 8 лет!»

Но тут Клитемнестра вне себя: это ее дочь гибнет, а Муж бежит за Еленой Менелая. Она не простит – это последний ужас в ее превращениях... Она никогда в жизни больше не улыбнулась!

Зевс расстроен, сочувствующие Парису и Елене боги – в ужасе. Калхас потерял дар речи.

Феб размышляет: «Родители привыкли хозяйничать – все напутали! Париса стравили с Великими Богинями, и моих подопечных, Трою и Гектора подставили под удар. Когда-то мне пришлось киллером работать – теперь бы я с кифарой бы жил, а не с серебряным луком...

Афина хочет искоренить любыми важными центрами Греции, потом и Микены и Спарту будет крошить... Что мне делать? Парис и Оди – хорошие принцы – надо их вывести из под удар, Афродита судит – придется Сестру просить помочь... Если мы с Аресом и Сестрой поможем, то ахейцам не взять Трою ... и Гера с Афиной не справятся ... Папаша вроде нейтрален, а мог бы Елене помочь – дочь все-таки... я своим помогаю!.. в общем сходу мы ахейцам Трою не дадим, а там они выдохнутся! А по сути дела интересная история – придется опять достать золотые стрелы и помочь Гектору и Аресу... какой все-таки неугомонный народец – эти греки! Но умный народ и женщины красивые...»

Мысли Афины: «Какие они все глупые – наши божественные родственники! При чем тут яблоко – они думают, что я обиделась на Париса на том странном конкурсе, который папаша сдуру устроил... хотя и по части красоты – это как посмотреть, кто красивее: я или Афродита. Мои мужчины поинтереснее тех, что молится на Афродиту... Вот возьмет Мемнон Трою – выкинем ту династию... в Греции постепенно наведем порядок – Феб пусть бренчит на своей кифаре по берегам морей. А в Греции будет одна богиня – Афина!»

Письмо Кли сестрам Пене и Лене, отосланное с помощью илотки-рабыни как говорящего письма, 1261:

«Лена, Пене,

Свершилось неслыханное и ужасное!

Агамемнон пожертвовал нашей дочерью, моей любимой Ифигенией, для того, чтобы вызвать ветер для армады ахейских кораблей и напасть на Трою до штормов.

Агамемнон хочет стать Великим царем, разрушив Трою – он проговаривался и Менелая, и Одиссею, думая, что тот тоже хочет ограбить. Его не волнуют ни клятвы царей, ни Менелай и Елена, ни Парис – он хочет славы и золото Трои! Он откажется от любого выкупа! И он думает победить за месяц-два.

Но это только мотивы его поведения. Мне казалось, что он любил наших детей, я как царица Микен считала, что Парис должен быть наказан, а Елена возвращена мужу, который, правда, ее не любит. Но мне не могло прийти в голову, что он пожертвует нашей дочерью, хрупкой Ифигенией – ей только 8 лет. Я почти не сплю и думаю только о ней. Будь Мемнон проклят!

Я вижу во сне мучения Ифи, ее страх – и это сводит меня с ума.

Я оделась в черное, кукла почернела, моя жизнь закончена. Я бы пожертвовала собой, чтобы спасти мою девочку или убила бы Мемнона. Пока буду жить ради Ифигении и ждать ее, Электры и Ореста...

Клитемнестра

Спарта, 1261»

Все три пары на войне – связь через трех рабынь, которые путешествуют (меняются через годы) между Итакой – Спартой и Троей+Ахейцы = связывают трех сестер и Парис с Одиссеем. Кли 10 лет ждет, чтобы убить Мемнона за Ифигению...

+ Лена пишет из Трои Менелая:

«Уважаемый Менелай,

10 лет мы прожили по воле судеб вместе. Но боги теперь решили иначе – не сердись на меня слишком сильно – я не хотела обидеть тебя. Это воля судьбы, о которой говорила Афродита.

Я люблю нашу дочь Гермину и ради нее предлагаю найти способ поддержать мир. Будущее еще не черно!

Елена, дочь Тиндарея, 1261»

Лена пишет сестрам из Трои:

«Дорогие сестры после сложной погони мы прибыли в Трою. Но мы смогли спрятаться на 10 дней посреди Великого моря. Мы счастливы, предсказания сбылись – это Большая Любовь – Слава Афродите. Мне нечего больше желать... Царь Приам простил Париса, семья меня приняла, хотя все понимают риски со мной связанные. На рассвете 3 дня по прибытии нас с Парисом встретили у моря сразу Арес, Аполлон, Артемида и Афродита! Они сказали, что рады за нас и не оставят нас. Они считают, что любовь – это верх человечности.

Троя – действительно Великий город между двух или пяти миров. Надеюсь когда-нибудь мы могли бы собраться тут с детьми и просто – не по-царски – посидеть у моря, покататься на лошадях по огромным просторам вокруг. Жизнь между Азией, Египтом и Африкой и Грецией – это невероятный опыт. Моя кукла счастлива была бы.

Спасибо, Пене – передай мою любовь Гермione!

Хотела отправить короткую записку, но тут пришло письмо от Кли. Переучивать Почтовую Рабыню нельзя – пишу 2 письмо...

Дорогая Кли, Пене,

Это ужасная весть об исчезновении нашей хрупкой Ифи. Не хочу верить в такую жестокость Мемнона или он сошел с ума... Будем надеяться, что Боги не забыли нашу семью и Ифи найдется целая и здоровая. Пусть будущее Ифи будет хорошим – мы будем молиться за нее с Парисом вместе и всей его семьей! Боги молчат о ее судьбе, но и не выглядят слишком печальными и безнадежными.

Дорогая Кли,

Ты должна верить, ждать и жить для Ифи, когда она вернется!

Весь мир с тобой!

О, боже – сразу 3 письмо...

К нам пришла весть о походе Ахейской армады... В Трое пока не верят в угрозу. Приам и Гектор готовятся, конечно, но жизнь пока идет по-прежнему. Нас с Парисом никто не ругает (пока)...

Твоя сестра Лена, 1261»

+ Ответ Пене сестрам: «Дорогая Кли – я в ужасе от исчезновения Ифи, но вместе с Леной верю, что она жива и вернется. Сейчас не темные века, времен Геракла и Гидр, будем ее ждать!

Гермиона шлет маме и всем свои поцелуи и бегаёт с ребятами, Телемаком и другими, учится греческому и египетскому, играет на кифаре. Хочет в Трои.

Лена, надеюсь, что воля богов исполнится и для вас с Парисом – вы будете счастливы! Хорошо бы, чтобы Менелай со временем успокоился и взял выкуп. Война – это ужасно, но Одиссей надеется, что ненадолго. Увидимся в Спарте, на Итаке или даже в Трое».

+ Продолжение раскола на Олимпе...

Гера думает со злостью: «Он заплатит за все! Зевс – старый болван – позволил какому-то смазливому мальчишке издеваться надо мной! Надо мной! Могла его просто заколдовать, да неудобно было при всех. Он должен был пасть ниц и целовать пальцы на моих ступнях! Нимфа у него – то же мне любовь. Она заплатит за все! И это кукла Афродита – туда же! Кто ей позволил обещать и помогать смертным, да еще поперек мне... Что он ему наобещала! Они заплатят за все!»

Афина в возмущении: «Аттика и мои Афины – вот будущее Греции. Моя Мудрость, Сила и Красота – вот основа цивилизации. Кара Парису – это самое малое! Дело не в яблоке, подумаешь выбор пастуха – что он понимает в женщинах! Дело в политике! Троя должна погибнуть и очистить место для ахейцев. Пусть капитулируют – потом посмотрим ...»

Гера: «Эта парочка нарушила все законы брака у людей и царей. Мы – боги – даем им нормальную счастливую жизнь, а они своевольничают и характер свой показывают! Они пытаются изменить свою судьбу, на что даже у нас нет власти! Парис нарушил клятвы, данной царями «семье мужа Елены». Парис вообще пытается рисовать, и мой облик показывает вне храма!»

Афина: «В греческих землях очень трудно установить добротное существования – у меня в Аттике очень тяжело, но Троя – это ужас и разврат нашей культуры под воздействием Азии и Египта. Еще хуже – они там что-то изобретают, а Феб и иные им помогают! Зевс – отец, наведи порядок в Азии! И теперь они ломают престолонаследие сразу в Спарте и даже в Трое, приводя туда дочку Зевса же! Вдруг у этой парочки будет сын!? И вообще, в Аттике (Афинах) считают, что Троя и Приам всех достали!»

Но Арес указывает: «Парис и Приам не сватались 10 лет назад к Елене и клятвы не давали! Больше того, ведь Елена не украдена Парисом, а сама ушла – это развод! А тогда смысл клятвы царей «семье» совсем неясен – Это Елена дочь Зевса, она виновата безусловно. Но при чем тут война с Троей – Елена сама спартанка и наказывать ее должен муж, если захочет. Но он может взять выкуп, но не может обязать царей воевать из-за своей беглой жены. Может они разлюбили друг друга? Кто-то хочет рискнуть и наказать любимую дочь Зевса – он и мать ее любил, и на дни рождения к дочке ходил, что крайне редко случается с богами, особенно с Ним! Пусть Менелай определится, хочет он неверную жену назад или нет, и кстати зачем она ему?»

А то получается, что Агамемнон хочет завоевать Трою, что я могу сказать, как Бог Войны, было бы крайне непросто, особенно без моей помощи! Он хочет Трою из-за беглой жены брата, которая с ним – Мемноном – не легла, о чем знает вся Греция (как он пьяный к ней приставал). Но Мемнон не бог, а тяжелый человек с плохим характером и будущим – Артемида считала его за хорошего царя и пыталась затормозить Армаду. Так он своей дочерью Ифигенией пожертвовал ради похода! Бедная девочка! Так он может получить проблемы у себя в семье!

В общем – вы тут как хотите, а я с Фебом, Охотницей и Афродитой этому Мемнону не дам разрушить Трою. Ну, и что что у них Ахиллес. Это парень силен, но поздно родился – ему надо было бы с Фебом, Тесеем и Гераклом Грецию от чудовищ расчищать. Чего ему делать в любовной драме!?»

Афродита предлагает Гере и Афине яблоко и первенство!

«Ну что вы привязались к мальчишке из леса, выросшего с медведями! Он по рождению принц, конечно, но он же художник, немного не от мира сего. Как он вас, точнее нас, замечательно рисовал – он стирал, но вы же видели! Ну, напророчила я Елене – дочке самого Зевса, между прочим – что будет у нее «большая любовь», а ему самую прекрасную женщину – не богиню! Чего ей завидовать? Забирайте первенство – да я Артемидой поклянемся перед богами, как вы прекрасны! Но люди мелки и завистливы! А вы – Богини!!! Что тут мстить человекам!? И очень хорошо, что ахейка полюбила троянца, немного, правда, с моей помощью! Но такая любовь сильнее всех предсказаний судеб по отдельности! Это уже не ко мне!

И нечего мигать на мой образ жизни! Да, у меня на Олимпе такая экзистенциальная роль – любовь! Профессия, если хотите! Да, заберите этих и любых мужиков – организуем, чтобы они мычали от страсти при виде вас! А я пойду в Пафос – сполоснусь и по новой! Чего вы завелись!?»

Четыре бога и богини на А. – обещают «ничью» - нет оснований разгрома Трои. Многие боги пытаются сохранить нейтралитет...

Аполлон: «Богини Артемида и Афродита правильно говорят, что Зевс напрасно поручил Парису суд над богинями! Что у Елены и Париса – большая любовь, а значит, можно их простить... Мемнон борется не за принципы, а за власть и добычу. Мы с Аресом считаем это лицемерием: провозглашать принципы, а идти армадой грабить конкурента!»

Пат на небесах и пат в битве у Трои!... так что все тянется 9 лет...

Акт 3 – Сцена 7 = Осада Трои глазами сестер 1261 - 1252

Речь Приама перед членами семьи и верховными сановниками Трои (сохранившееся абзацы):

«Сыновья, Гекуба, родственники, друзья, военачальники!

Мы много раз обсуждали удивительные условия жизни Трои, которая больше, чем Царство, больше, чем Город, и больше, чем народ! Я сделал все, что в моих силах, чтобы защитить и расширить владения Трои. Но не из жажды власти или богатств – из желания развить нашу уникальную цивилизацию! Здесь – на пяточке земли у моря – греки перемешались с потомками многих племен...

И под покровительством Олимпа, особенно Аполлона – Артемиды – Ареса и Афродиты троянцы занимаются искусством, охотой и конями, войной и любовью! Торговля Греции с Азией идет через наши порты и стены, но и мы создаем ткани, вина, оружие – больше роскоши, чем весь остальной мир вместе взятый. Истории и песни, картины и статуи все больше изобретаются тут, а потом повторяются по всей Ойкумене!

Теперь это все в опасности – нет, это всегда было в опасности! Мы живем в таком месте между Востоком и Западом, тут они сходятся. Жить здесь интересно, выгодно и опасно! Всегда с Востока могли прийти Хетты и разрушить Трою – это Азия! Но не думал я, что с Запада ахейцы соберутся такой армией напасть на нас. Этот «цивилизованный» мир нашел предлог – прекрасный предлог – чтобы ограбить нас. В этом огромная разница между нами: мы создаем – они грабят! Мы – цари Трои - управляем огромным хозяйством. Они – микенцы – цари – грабители!

Агамемнон не соглашается практически ни на какой выкуп за Елену. Мы будем воевать уже не за Париса и Елену – им судьба Елены безразлична. Мемнон нашел бы другой предлог – мы будем воевать за свою цивилизацию!»

Три сестры переписываются через моряков, рабынь и Одиссея, который выходит поговорить с Парисом и Еленой на базар в дни перемирий. Оба никого сами стараются не убить.

Лена пишет очередное письмо Кли и Пене:

«Смерть Ахиллеса многое поменяла, девять лет тупика заканчиваются. Ахейцы в бешенстве от гибели Ахиллеса, как троянцы – от гибели Гектора.

Надо бы остановить войну – но куда там. Мемнон лжет, что это «Рука Париса – Стрела Аполлона». Это многое меняет: Афина и Гера в бешенстве... Ахейцы обвиняют Париса – хотя он не целился Ахиллесу в пятку и уже точно никогда бы не попал. Легенда относит меткую стрелу Фебу – спецназу Зевса – но пропаганда ахейцев нуждается в Парисе как в виновнике – доказать ничего невозможно.»

Парис пишет письмо Пене (Одиссею) и Кли:

«Дорогие сестры, Рад узнать, что все вы здоровы... У нас с Еленой все по-прежнему – растет сын – назвали в честь Гектора. Вы знаете о ходе войны. Вам могу сказать – я художник и не воюю... Ваш Парис»

1261-1252 = 9 лет осады –

Разгром Трои казался ахейцам predetermined богами в течение 9 лет, особенно после убийства Ахиллесом Гектора. Но постепенно, со смертью Ахиллеса особенно, это ощущение ослабевало. 30 царей, единодушно решивших захватить Трою, множество кораблей и 100-тысячная армия – это же очевидная сила. Греция оскудела, армия плохо прокормлена, экономика дома хиреет, добычи нет, время идет. Снабжение припасами через Геллеспонт шло туго, битвы, болезни и дезертиры (кому в семью – кому в хозяйство надо) проредили – армия «расплывается».

Оставшиеся оказались в психологической ловушке – особенно цари: как вернуться домой без победы, без добычи, без потерянных воинов?! Конница Гектора и потом братьев и командиров блокировала подвоз с Востока. И Старый Приам был негибач и упрям, тем более что потерял старшего сына и наследника.

Мучения сестер – теперь им уже по 36 и все им понятно про себя и про жизнь. Гермione и Ифигении по 17, Электре 15 и Телемаку 15, Оресту 13...

Гектор убит, Ахилл убит, Лена была счастлива с Парисом даже посреди войны... Пене ждет и ждет мужа. Клитемнестра почти не спит, если засыпает, то видит страдания Ифи. Когда просыпается, ненавидит Мемнона все больше.

Парис и Одиссей стараются никого не убивать, встречаются в маленьком храме на нейтральной полосе или на базаре во время перемирий... Такие базары неизбежны при длительных осадах – многие в обеих армиях были знакомы раньше, другие договариваются о поединках «из ненависти».

Покупают что-то, меняются трофеями. Так что базар становится перманентным явлением в поле сбоку от причала ахейцев и Трои. Там почти безопасно, но там шпионы, мясо – рыба, вино. И тут же жрицы и жрецы всех культов, гадалки и заклинатели судеб. Ну, а также жрицы и жрецы свободной любви всех возможных типов между Тартессой и Вавилоном.

Импровизированный базар и харчевня на берегу между Городом и Лагерем. Перемирие в конце 9 года осады – герои обеих армий порознь, а иногда и вместе (многие дружат со старых времен)... Греки в изнеможении, царства обеднели, половина армии погибло, заболело, утонуло или сбежало! Троянцы чуть лучше, но торговля остановилась, и на Востоке зашевелились племена...

Иногда приходит Лена вопреки запрету выходить из города. Но очень хочется поговорить с Оди о Пене и Гермione, повздыхать: «Как все это долго тянется... бедная Ифи – а каково Кли – сердце разрывается!». И чуть не попала на глаза Мемнону с Менелаем – Лена прикидывается гулящей дамочкой и под прикрытием Одиссея прячется в храме. Ахейцы его узнали и не тронули. Оди успел затрубить тревогу и все побежали по своим лагерям. Лену утащили вместе с корзинами с рыбой – пришлось сразу в ванну...

Греки ловят рыбу и продают троянцам, троянцы выменяют рыбу на мясо и овощи. Ну ясное дело тут меняются трофеями, хвастаются и назначают поединки... Каждые три дня базар и не воюют! Новости и шпионы ходят туда-сюда. «Говорящие письма» сестер без труда проникают... У ворот Трои и ворот лагеря греков стоят заставы. Парис простолудином выходит продавать мясо и яблоки и меняет их на рыбу у не приметного рыбака – Одиссея. В лабиринте лавок и хаосе людском есть маленький трактирчик, в котором кстати останавливается и Пелла (30-няя илотка Пелла – живое письмо).

Лена: «Парис, посидим тут немного – я отдохну от дворца и стражи. Рыбу есть нельзя – от нас будет пахнуть во дворце... Но сушеных фруктов могу... Когда Оди придет, не забудь подарки для Пене, Кли и всем детишкам ... И потом позови Пеллу так, чтобы она не видела нас втроем – если ее кто-то схватит на дороге на Итаку – она не должна ничего знать и никого, кроме меня. Ахейцы могут проверить илотку...»

Парис: «Ты посиди тут тихо... я выгляну – твои спартанки с кинжалами посторожат... Нам надо с Оди не столько вспомнить родню, сколько подумать, как спасти семью и город... Богини не выпустят нас просто так... Слишком Они – Обе – сильны! Гектор может победить Микенцев, но не Богинь.»

Появляется Одиссей с котомкой рыбы – отставляет ее подальше, чтобы запаха не оставалось, обнимается с Парисом, кланяется Лене: «Я ненадолго, тут где-то бродят Братья- Микенцы – им приспичило поменять что-то из добычи на доспехи, а их люди пошли на закупки – сегодня празднуют полную луну – был бы только повод напиться...»

Парис: «Мы сможем как-то выбраться из военного тупика?»

Одиссей: «Не похоже – генерального сражения все боятся – особенно Ареса, который пока стесняется воевать в полную силу

Оди: «Лена, Менелай что-то чувствует – думает, что я как-то могу передать весть... Он устал от войны, боится и хотел бы найти компромисс. Прямо он это не говорит, но намекает: «вот была бы Лена, я бы ее простил...» Так что дело только за Мемноном и Афиной, а цари потеряли людей и ничего не приобрели за эти годы... А что у вас в Трое, как Приам?»

Парис сторожит от Менелая, который бродит вокруг и пытается передать ей, что он против этой войны. Но она боится с ним разговаривать...

Мемнон с Менелаем и Одиссеем – три мужа трех сестер иногда там отдыхают. Двое пытаются уговорить Мемнона взять выкуп для царей и бойцов и уплыть. Тот в бешенстве зовет их трусами: «Будем воевать сто лет – пока всех не убьем иль не умрем мы сами!»

Аполлон, Афродита и прочие боги. Афродита и Афина с Герой начинают понимать, что это катастрофа. Но Афина и Гера не могут остановиться сами и остановить ахейцев – гордость Великих богинь не позволяет...

Гибель Трои – скорее рассказ об этом

Споры богов = Афина и Гера против Четырех Богов и Богинь – Посейдон прячется... Гера с поясом Афродиты соблазняет Зевса = (сцена 39+) и дает шанс Афине разбить Троянцев... Они готовы разграбить город. Беседа Аполлона с другими богами на стороне Трои – надо выручать Приама и город...

Арес и Аполлон пытается спасти Трою:

«Компромисс на небесах – рушим стены для царей – но уводим людей»

Что для истории – Конь и разгром – Греция должна ликовать тысячу лет.

Цари забыли о Елене как о причине войны, даже как о поводе. После всех потерь им больше чем воинам нужна была добыча для компенсации «упущенной мирной выгоды». Девять лет они ели рыбу и вдыхали запахи жареного мяса, слышали песни из огромного города.

Одиссей придумывает Коня для диверсии как форму выхода из войны: победа или уплыть. Ахейцы в восторге, но он их предупредил, чтобы не особенно рассчитывали на этот трюк. И вправду собака Артемиды все унюхала и облаяла деревянный ящик «с пахнувшими рыбой ахейцами внутри» - ей собаке было все равно, что кто придумал и почему ящик такой странной формы! Арес просто опрокинул Конягу у ворот – чтобы не избивать лучших воинов Греции просто так. Артемида с Аполлоном просто проткнули Деревянного коня стрелами так, что внутри никто не ранен, но и повернуться не может. А Арес воткнет ему в лоб Копье и начал поворачивать – воины внутри взвыли! Дело идет к новой затяжке войны.

Артемида Аресу: «Смешные эти ахейцы, если только это не шутки Одиссея. Затея с подарочным конем хороша только для бродячих аэдов – будут потом врать, что троянцы – тупицы и втащили сами коня в город.»

Одиссей и Парис разговаривают в харчевне «Акула» – так зовут Хозяйку уже 10 лет. Она приплыла из Афин, но она служанка была еще у Тиндарея – зарабатывает на семью (муж повар). Раз в месяц эти два миротворца обмениваются семейными новостями и пытаются довести дело до мира, предотвратили множество злодеяний и битв.

Парис Одиссею: «Привет тебе от Елены – она с нашим мальчиком – война идет, дети растут. Пене пишет, что Гермione 17 и ее пора замуж выдавать.

Непонятно за кого – все взрослые воюют, не за ровесников же ... Что у тебя нового?»

Одиссей: «Удалось сходить на рыбалку для армии – хоть отдохнул немного от микенцев. Девять лет в тупике – уйти не могут. И несут прежнюю пропаганду: богини обещали победу, позор уйти, еще немного и все разграбим.»

Парис: «А тебя нет ощущения, что мы тут все – и троянцы, и ахейцы – нашим общим богам надоели? Одно дело война, победа, развлечения, кто-то убит, так что песни и пир! А другое дело – годы битв, гибель героев и никаких перспектив на славу!»

Одиссей: «Ну, Афина воюет, Гера не особо вникает – полагается на Афину. У вас немного веселее – кто-то хоть один из трех: Аполлон, Арес или Артемида – всегда рядом и включается – это заметно!»

Парис: «Что у Кли?»

Одиссей: «Там совсем плохо! Она извелась из-за Ифи, плачет, худеет – ее не узнать, говорят... И от ненависти к Мемнону завела интригу с его кузенком, Эгисфом – помнишь - такой гладкий и противный... наследственность у них плохая...»

Парис: «Хоть на Итаке все тихо?»

Одиссей: «Если бы! Гермiona и Телемак растут вместе... А к Пене «сватается» группа местных идиотов – решили, что я не вернусь... Она им что-то плетет в прямом и переносном смысле. Вернусь и прищемлю их – непонятно когда – от войны не уедешь – иначе Мемнон все тупо подведет всех под троянскую конницу и грести домой будет некому. Что у вас?»

Парис: «Ааа, Отец стареет и боится не дожить до мира, боится за семью, женщин, горожан... Его тянет подсознательно на решающее сражение... Одновременно думает, как семью перепрятать – к Хеттам или в Африку. Я большого веса не имею на Совете, но отговариваю, как могу...»

Письмо Одиссея Пенелопе: «Видал всех (!) наших родственников. Война продолжается, хотя явный тупик и ужасно устали. Боюсь, что боги устали от ахейцев и троянцев. Выхода не видать – продолжаем терпеть. Хуже всего то, что не видно никакого итога войны, после которого можно было вернуться к прежней жизни.

Напиши Кли – ей тяжелее всех. «Наша парочка» растит сына – они одни ходят в обнимку, как вчера поженились – тебе ото всех большой привет! «Женихов» держи на веревке – скажи, что скоро приеду сам или попрошу Арес заглянуть...»

Акт 4 –

Сцена 8 – Снова Хаос - Елена и Зевс

Зевсу надоедает вмешательство Геры и он ей запрещает вмешиваться. Афина в одиночку идет на компромиссы. Афина молчит – ее не радует победа – она начинает понимать, что для возвышения Афин потребуется не только разрушение Трои, но и Микен... но что в результате Афины ничего не выиграют – придется ждать веками своей славы Богини Великого города!

Клитемнестра 10 лет страдала из-за Ифи и дождалась Агамемнона с войны только для того, чтобы его убить! Эгисф как орудие мести! Он приезжает и они практически сразу его убивают. За то, что он ради своей славы пожертвовал дочерью, братом и ею... устроил большую войну... всем стало плохо, а он собрался царствовать на обломках мира... И на себе она поставила точку ... и куклу сожгла... Потом она умирает от тоски и истощения, может перед смертью Зевс дарует ей счастье узнать, что Ифигения жива, если жива, как намекают.»

Зевс узнает от Гермеса новости и думает: «Все-таки Клитемнестра убила Агамемнона, Эгисф помог – не простила она ему жертву Ифи... Что-то тут не так в нашей Греции – боги, нет покоя! Пене с детьми (Гермиона у нее - моя внучка) защищается от женихов – снова беспорядок в нашем мире!»

Пене: пишет Елене, еще не зная о ее судьбе: «Какая Трагедия, что нам с Одиссеем пришлось защищаться от этих обезумевших от жадности и страсти «женихов». Они и к Гермione приглядывались, но она внучка Зевса и все прочее – побоялись! Одиссею удалось не убивать в Трое, но пришлось убить трех наиболее назойливых женихов (историки и аэды раздули до 20)...»

Совещание богов в Трое перед предполагаемым ее разгромом. Парис ранен отравленной стрелой, его первая любовь Эона обижена и лечить его не хочет!

Боги протрезвели, успокоились, не помирились, но они все явно расстроены печальными результатами войны – никакого внятного политического или экономического результата – только разгром, что было очевидно без слов. Сам Златокудрий Феб признал, что он оверреактед из страсти и ревности по поводу Кассандры. Гера и Афина, конечно, стоят на своем, но уже без того гнева, который был в предыдущие годы.

К Совету Богов вдруг обращается Прекрасная Елена – все-таки дочь не Тиндарея, а Зевса....

Лена не выдерживает угрозу убийства всех родных и близких и в ней просыпается Дочь Зевса: «Отец, я долго терпела несчастья со мной и близкими. Выдали меня насильно, моего любимого Париса убили, за дочь его дрожу – что с ней станет – прячу от людей твою внучку. Ну почему бы Тебе все же не поступить по-божески, как Великому богу, а не как зависящему от всех, кто на тебя надавит или обманет!? Мне много не надо, но поглядите вокруг. В результате 9-летней бойни кругом горы трупов, девять лет разорения на обоих берегах. И ни одного победителя, ни одного счастливого бога или человека – все недовольны!»

Зевс: «Что ты хочешь? И умерь свой пыл – накажу!»

Лена: «Так куда больше! Накажу! А что осталось от моей жизни!? Менелай – был и есть вялый хам! Парис убит (отравленной стрелой!), брат его – мой теоретически третий муж – должен быть убит! Я узнавала у Калхаса – правда давно – судьбу близких. Оказывается, что по предсказанию судьбы Неоптолема – сына Ахилла – он должен истребить всю семью Приама вплоть до внуков. Совсем с ума сошли! А потом он насилует Андромаху и женится на моей Гермионе – что там у вас творится на Олимпе. Почему надо всех погубить? Чтобы угодить Великим Гере и Афине? И все это из-за яблока Париса?»

Я брошена в жизни всеми... моего мира нет ни в Спарте, ни в Микенах во дворце мерзавца Агамемнона, ни в Трое, которую вот-вот разрушат и сожгут со всем народом. Зевс! А кто будет молиться Богам-Олимпийцам, если все погибнут!? Великая Афина! И ты позволишь Никомеду изнасиловать Кассандру – сестру Париса – в твоём храме у твоей статуи, и отведешь глаза? Но ты же Богиня – ты не можешь поощрять такое насилие!»

Афина: «Ладно, разволновалась, девочка, Кассандрой пусть Феб занимается. А Гермиону мы тебе позволим отдать по любви...»

Лена: «По-настоящему, после смерти Гектора и Ахиллеса война была исчерпана по сути дела... можно было всех распустить по домам... Победа Ахейцев – не по игре!»

Зевс: «Ладно – давай три желания, но только конкретно по людям, а в целом по войне тебе не полагается даже рассуждать, женщина!»

Лена: «Для начала пусть бродяга Одиссей все же вернется когда-нибудь к единственной верной женщине во всей Греции – моей кузине Пенелопе! А то кто знает Ваши расчеты, да и его – я так боюсь за Гермиону на Итаке!»

Зевс: «Ну на него есть виды у моего брата Посейдона, но он вернется к Пенелопе, хотя и не сразу... Одно желание есть! Еще?»»

Лена: «Спасибо, но тут на Земле вечная путаница в понимании: «Сегодня Гюбрис – завтра Воля Богов и все пошло прахом. Вы уж не сочтите за труд – Отец – проследите за Дядей Посейдоном, чтобы он Оди не скормил какому-нибудь чудовищу, не утопил и не женил в Африке...»

Лена: «Еще надо вернуть нормальную жизнь хотя бы Кассандре – она не виновата, что она самая красивая из дочерей Приама и что отказала Фебу. Не считая тебя, Папа, образца для людей, другим богам может кто-то из девиц в Греции отказать? Можно ли вообще отказать богу в прелюбодеянии!? У Принцессы Трои – это сластолюбие Прекрасного Феба (нимф ему не хватает)? Ну, Пенелопа спартанка и замужняя – будет хоть 20 лет отбиваться от толпы деревенщины на этой захолустной Итаке!

Я долго молчала, а теперь скажу! Феб, видите ли, «оверреактед»... И все разнес – и Кассандру погубил, и Гектора не спас, и Троию не выручил! И Арес ему не помог – Бог Войны был – даже не верится.»

Зевс: «Ладно, обсудим! Сынок, Феб, правда – что ты к ней так прицепился? Мало тебе обожательниц среди принцесс... Отпусти ты ее – будет хорошая слава о богах... И тебе будет приятно слышать о себе: Красивый и Добрый Кифарист!»

Аполлон: «Эээ... Верни, Папа, ей юность в Тавриде. Пусть идет замуж за этого Скифского вождя, но чтобы сразу потеряла дар прорицательницы – не ее это дело! Будет ей мещанский Гюбрис! И кстати, Арес, поможем троянцем отбиться еще и от Хеттов...»

Зевс: «Ну, Феб – сам все исправь в жизни Кассандры – нет ей такой несчастной судьбы. Судьба стала стала как-то меняться – даже удивительно! Афина – ты уж вникни тоже. Итак, это сделано - это уже две просьбы – тебе самой ничего не надо? – последний шанс...»

Лена: «Мне – просто! Понимаешь, я все-таки твоя дочь. И прямо скажем – я не Пенелопа ни в прямом, ни в переносном смысле! Представляю себе, что про меня насочиняют в будущем! Ты же знаешь Париса и роль богини Афродиты в этой истории! Ну, кто бы не сбежал с ним в данных обстоятельствах. И сколько мук все это мне принесло. У нас Большая Любовь – не завидуйте, боги! Но за что мне все эти неприятности – за что это мне!? Так что избавь меня, наконец, от Менелая! Выдали если не насильно, то на пару с Клитемнестрой за Царя, а он зануда, радости от него никакой. Гермiona хоть родилась. Верни Париса – я пойду на коленях молить Эону! Я

хочу к Кассандре в Тавриду – там, говорят, хорошо и далеко от греков, вечно враждующих, склочных и завистливых, раз уж моего Париса нет!»

Зевс: «Мы, Боги, но не можем противиться судьбе! Судьба сильнее! Вот прилетел Гермес и подсказывает мне, что, оказывается, Агамемнон убит Клитемнестрой с ее любовником, каким-то его родственником – Эгисф, кажется... Я и не знал. А другой Великий царь – твой муж Менелай - по сведениям из того же источника был восемь лет в Египте. Пока ты тут пряталась от него – он прятался от судьбы, но не получилось. Явился он к Сфинксу – это такой старый и очень вредный бог - а тот ему задачу задал. Понятно, Менелай сам виноват, что нагрубил: «Я Царь, какие еще могут быть вопросы!» Ну и утонул в Ниле прямо под глазами у Сфинкса... Так что можешь отправляться в тихую скучную семейную жизнь – забирай свое – хватит того, что из-за тебя такая война случилась. Довольна?»

Лена: «Это опять жестоко – я не хотела никому гибели!»

Зевс: «О, вас, женщин, никогда не поймешь... Но можешь не переживать – Гюбрис Агамемнона и Менелая всегда был плохой – не надо им было ввязываться из-за тебя в такую длинную войну. Боги раскололись, времени ушло, жертвы огромные. Нам, богам, теперь надо все гражданское общество и экономику заново воссоздавать, еще похоже на крах микенцев. Этот тот случай, когда «воля богов» (он глянул на Геру) изменила время и характер событий, но в конце концов судьба свершилась... Можешь идти к своим...»

Посейдон: «Зря он так «погнал коней» на троянцев и выступал под видом Калхаса». И покосился на Геру, которая им тогда манипулировала. Еще оказалось, что царь Итаки выжил преимущественно потому, что его ждала Пенелопа, кузина Елены! Аполлон раскаялся в разрушении жизни самой красивой из дочерей Приама – Кассандры – из ревности и обиды. Зевс открутил все назад и выдал ее замуж за длинноволосого блондина – царя Скифов с условием, что она сразу перестанет прорицать!

Гера с Афиной мрачно молчали – победа, если это можно назвать победой оказалась для них на редкость бессмысленной. Все согласились на том, что переиграть историю нельзя, но можно немного пожалеть выживших. Агамемнон с Менелаем плохо кончили – это явно судьба, понимаешь. Одиссей через 10 лет вернулся к жене на свою – к счастью - богами забытую Итаку. Еще пришлось (вместо троянцев) убить трех женихов, совершенно обнаглевших в его отсутствие – трагедия для Пенелопы. А девочек можно пожалеть волей богов!

Одиссей: «Кстати, а куда бы я делся, если бы Пенелопа меня не дождалась - в пираты, что ли? Варианты под победу Аполлона и Гектора, или ничью

просто ахейцев с троянцами пока не прорезались. Знаете этак в стиле: Великая ахейская Армада сгнила на пляжах Трояды, половина моряков сбежала и увезла пейзаж-ополченцев, которые проголосовали веслами против войны...

Зевс Елене – Прощальное слово!

«Да, дочка, ты права... Ты все же красивая как Леда и умная ... как я...

Мы - боги - не справились с людьми, мы были заняты собой, своей жаждой славы, похотью и причудами... с жутким упрямством...

Наши ошибки – простые и незатейливые... а последствия ужасные. Но люди – особенно цари – взяли у нас самое плохое = жажду славы, похоть и причуды – и с жутким упрямством. А люди оказались очень искусными в изобретении преступлений, разновидностей зависти – скажем, «ошибок», нарушений ... И чем дальше – тем хуже...

«Эта война вообще убила у меня веру в человечество. Приам возгордился и не мог поладить с греческим миром... Цари впали в самолюбование – «микенская культура!!» - это я вам дал культуру и время ее развить... а вы сцепились и грабили друг друга... Агамемнон – просто сошел с ума и решил стать господином мира – кончил плохо... Жалко всех этих образованных людей в городах, при дворцах, ювелиров и музыкантов, моряков – творцов!»

+Парис умирает от отравленной стрелы и не надеется выжить:

«Лена, я был плохой сын Приаму и Гекубе, я был хороший пастух, но ушел от Эоны, я был плохой царь, но я бы мог стать хорошим художником, я был плохой человек и увел тебя, но я люблю тебя! Прости, что все разрушил...

Елена: «Я люблю тебя и Боги могли бы нас простить за такую любовь! И я люблю тебя такого: веселого, художника – я не хочу царя! Пусть Зевсу меня услышит, что готова уйти из жизни, из Греции и из Трои, но только бы Гермiona была у Пене... И чтобы ты жил! Я пойду к Эоне молить на коленях ради ее любви к тебе – простить и вылечить тебя. А я умру – у меня уже была Большая Любовь и мой судьба счастливая!»

Зевс: «Но я должен оживить Париса? Или как?»

Феб: «Великий, только позволь Эоне по старой любви к Парису и слезам Елены вылечить его от яда той стрелы, а Хронос подарит Эоне вечный сладкий сон о годах, прожитых с Парисам...» Эона исполняет просьбу Лены

и Зевса и счастливая засыпает. Елена подпрыгнула на одной ножке, потянулась и оперлась на колено громадного сидящего Зевса и взлетела как пушинка ему на согнутый локоть... Чмокнула его то ли в щеку, то ли в нос, и убежала паковать.

Одиссей грузит на последние три корабля с Итаки несколько сувениров, уговаривая товарищей ничего не брать с собой от убитых в Трое. Все те, кто не послушался его и что-то взял – потом погибли в скитаниях. Двое скромных пассажиров садятся в последний момент на большой волне с лодочки – их никто не видел. Через месяц – когда все путешественники измучены авантюрами – они исчезают в Италии и уходят пешком в утренний туман. Через трое суток Одиссей дома, история с женихами задерживает немного, но он отдает Пене платок Лены, в котором кукла Лены. Пене решил, что та умерла и рыдает! Но Одиссей говорит, что надежда есть – главное это отдать куклу Гермione!

Менелай сломался от военной усталости, страха смерти и воспоминаний об Ифи, поссорился с Агамемноном и богами. Менелай идет к Сфинксу и не хочет отвечать на Вопрос («Любит ли тебя жена? Скажи правду – останешься жив!»), конфликтует с этим Старым Египетским богом, Сфинксом и тонет в Ниле.

Зевс: «Что с этим можно поделать – не знаю. Боги не помогут – хотя с Аресом, Афродитой, Фебом я договорюсь... Геру и Афину придется обмануть... иначе они всех добьют... Ты был плохим царем, но вам двоим была дана великая любовь – и ради ее спасения для людей – я вам помогу!

Великая Микенская культура видимо погибнет – я не могу развернуть назад всю историю ... Пожалуй, я понемногу отойду от дел – возьмем такой перерыв лет на триста – пусть люди побарахтаются сами. А мы там посмотрим. Пусть Посейдон, Аид, Арес, ну еще Феб о вас заботятся...

Я могу спасти немного мудрости, немного истории, немного аэдов, вот Вас могу попробовать куда-нибудь припрятать от реальной истории ... но с людьми будете сами справляться ... Нужно будет так подстроить, чтобы никто из богов сам не мог вас найти... Боги, особенно богини – постоянно шпионят друг за другом. И Вам не советую появляться у них под глазами без совершенно крайней необходимости.

Если у тебя получится, Парис, ты состаришься с Леной в путешествиях, построишь храмы, украсишь города... будет изредка возвращаться к Пене и

дочке... может еще и внуков увидите. Будешь старым аэдом, будешь сочинять небылицы и в старости прозовут тебя, чего доброго, «гомером»...

Сцена 9. 1252 Катарсис

Гибель микенской культуры. Столько событий произошло, что Боги признают изменение предсказанной судьбы у многих людей. Зевс договаривается с Хроносом немного повернуть события!

Зевс – Посейдону: «Брат – сами они никогда не остановятся! Возможно, эта цивилизация греков погибнет – и мы кстати, окажемся никому ненужными «мифами древней греции». Но давай попробуем разом их растащить! – Как? Да очень просто - давай потрянем оба города: Микены и Троию – чтобы был большой роскошный пожар и все побежали оттуда, но не слишком много было злодейства. Гера и Афина не допустят проигрыша ахейцев, слишком много было несчастий – царям нельзя возвращаться домой без добычи и при таких потерях за эти годы. Приам упрям как мул, потерял наследника – теперь он будет вымаривать ахейцев.

Истории цивилизации пора брать паузу. Люди не выдерживают длительного прогресса и обращают его себе назло. Не получается – который раз – такого, боги, развития. Не знаю, как сказать – устойчивого, что ли – это когда все урожаи понемногу растут, голода меньше, войн - меньше, а образования, праздников, молитв нам великим – больше!

Или ладно – ты землетрясение в Трое, ну и бурю по кораблям ахейцев шарахни, чтобы разлетелись. А я Микенский дворец трягну – они там все меня достали – только Ифигению, Электру и Ореста куда-то перепрячу. Пусть потом сказители сочиняют, что хотят – нам важнее, чтобы осталась нить разума. Микенцы разбредутся по Аттике и общий культ Наш сохранят. Троянцы люди умные – разойдутся по всему Великому морю, разнесут музыку, кухню, спрячут имя своего племени так, чтобы их за старую славу и богатство не терзали... Не первые они будут и не последние они будут!»

Так начала гибнуть Великая Микенская цивилизация...

Пене все ждет Одиссея, но не стареет... Одиссей мотается по миру... Елене и Парису – Афродита дала новую любовь (картина из Лиссабона)? Она ненавидит потенциального зятя – Неоптолема, сына Ахиллеса. Просит помощи Папы-Зевса за Пене – Кассандру и за себя... Феб спасает Касси ...

Но Лене отказали в спасении Микенцев и Кли... Неоптолем гибнет в Дельфах от меча жреца Аполлона.

Афродита и Феб вежливо спросили – с надеждой: «А как быть с Микенцами и Троянцами наиболее знаменитыми?»

Зевс уже продумал: « Пусть Калхас разбирается с судьбами, а Аэды с историями. Что сокрут – то и ладно. Мне жалко только тех, кто в общем ничего дурного для других не планировал. В общем-то задним числом ясно, что Парис и Одиссей – люди нормальные, но мало их.

Гермес – слетай к Клитемнестре – скажи ей, что Ифигения жива. Эгисфа ты же предупреждал, что Орест отомстит? Ну, что теперь делать, Орест его прибьет.»

Гермес: «Уже слетал – но она успела убить Агамемнона – теперь ее судьба необратима... Несчастливая красавица! Электра все рассказала Оресту – как бы он уже матери не отомстил – он тоже ведь «микенец» и наследственность у них тяжелая...»

Зевс: «Ты так думаешь? Слетай еще раз...»

Арес: «Повелитель, позволь мне - в порядке исключения – предложить мир. Что если Лена с Парисом уйдут безмянными – просто Аэд с невзрачной женой (станут знаменитыми спустя поколения) – будут рассказывать о величии Греческих богов, Микенах и Трое – спасут память о богах!

Одиссей же вывезет нашу пару на своем корабле из-под Трои и пропутешествует несколько месяцев лишних по морям, чтобы замести следы... спутники его, как известно богам, в основном погибнут – никто не вспомнит безобидную пару бедняков.

Гермиона выросла на Итаке и за Неоптолема не пойдет, а пока они очень дружат с троюродным кузенком Телемаком... Но там ждать – по мнению Калхаса – недолго: Неоптолем очень нервный и у него впереди конфликт в Дельфах с жрецами Аполлона, а пока ему скажут (я могу), что она бросилась со скалы, узнав об исчезновении матери...

Аэды потом все равно переписут конец истории по-своему или под своих повелителей в свои дремучие века. А пока мы все живы Пене будет оставлять в двух-трех местах (на берегах морей) известия о ее жизни... для Елены...»

Возвращается Гермес: «Повелитель, Клитемнестра благодарит тебя за счастье узнать, что Ифигения жива! Она умирает – не может есть и спать - от истощения, но успела послать к Оресту (копии сестрам) «говорящее письмо» - рабыню-дорийку.

Письмо я запомнил: «Дорогой мой мальчик Орест, у меня для тебя два хороших новости. Главная – твоя сестра Ифи – моя девочка, которую мы оплакивали 10 лет, жива. Ее спасла Артемида, но не могла нам сказать об этом. Вторая – очень важная для меня – тебе не придется (как предназначено судьбой) убивать меня для мести за Отца! Я умираю сама от отчаяния за все, что со мной случилось в жизни и что я сделала в жизни. Кроме любви к Ифигении, Электре и к тебе, я могу вспомнить добром своих родителей и, конечно, сестер Лену и Пене! Желаю счастья им, и еще Одиссею и Парису – они заслужили большую любовь. Все остальное в моей жизни было либо плохо, либо никак – Черный Гюбрис! Слава Зевсу – Избавителю от мучений – здравствуй, Аид!»

Орест спешит, но не успевает к матери на мгновение – она не успела сама простить его – он в отчаянии. Боги прослезились, Зевс прикрыл глаза тыльной стороной правой ладони и молчал вечно – все молча ждали... Потом он вздохнул, что вызвало бурю на море от Трои до Сицилии:

Зевс: «Как трудно быть Богом... Арес и вы все! Мое последнее слово. Парис и Лена пусть исчезают, как предложил Арес. Лена просила за Пене, но мы и так видим, какие Одиссей и Пенелопа хорошие люди – пусть у них все будет хорошо. А Одиссей заодно выполнит Мою Волю, спасет всех и все скроет, от современников и от историков! Как мне надоела эта микенщина – плохая у них наследственность.

Троянцев жалко – такая культура, нас –богов почитают, хотя больше конечно сынка Феба, но уже ладно. Сколько столетий мы ждали, что вырастут цивилизации, которые смогу написать песни и саги о нас, смогут делать хорошее вино и сыр, строить храмы и статуи. Теперь, по-видимому, снова облом – будто божественный камень с огненным хвостом из других миров летит к нам и ударит в Трою и в Микены. Ну, Микены возродятся за зерне, винограде, может, додумаются перейти от бронзы к железу... Интересно, сколько это у них займет!?»

Гера: «Лет триста – четыреста, 20 поколений... забудут все»

Зевс: «Это ты Гера и Афина – забудете все! Троя исчезнет, Парис исчезнет – и вы не будете им больше мстить!

Но ты Гера права – за такой срок 400 лет - греки все забудут – надо им помочь. Дадим шанс троянцам – пусть под другими племенными доменами разойдутся по нашим мирам и сохранят что-то от ремесел и искусств. Вот и Парис с Еленой – могут скитаться и создавать легенды о своей жизни и Трое. Кто-то из ахейцев придумает свое. Так – глядишь – и литературу создадут...

А Кассандру пусть Феб сам спасает и отправит в Тавриду – сделаем там на 100 лет защищенное от богов и варваров Укрытие. Парис с Еленой смогут туда приходить отдыхать от дорог и тревог. Но им придется прятаться и отдать маленького Гектора на воспитание к каким-нибудь цивилизованным варварам – иначе ему не выжить. За нарушение клятв Еленой и за такую Любовь придется им скитаться, скажем, лет тридцать – там видно будет.

Может Гермiona к ним придет, могут со скифами породниться, если захотят. Только грекам нельзя ничего не рассказывать – пусть знают только истории от аэдов!»

Афродита: «Спасибо, О, Великий Зевс! Мы сделали, что могли – каких жен и какие царства нашли микенцам – они все испортили, не потянули они на задумку богов!

От себя, коллеги я дарю нашим Героям нечто, что бывает не каждый век! Пусть их Большая Любовь длится всю их жизнь, пусть путешествуют, рожают, творят! Они заслужили ее и остались ей верны. До конца своей жизни они будут видеть друг друга такими, как в первый день встречи и будут испытывать взаимную страсть, как в первые десять дней любви в тиши на маленьком острове!»

Акт 4 Эпilog – Сцена 10 = 1220 год, Итака, Ставрос

Сестрам по 68, Парису 64, Одиссею 74, Гермione и Ифигении и Телемаку по 49, Электра младше... У Гермione с ... внуки и правнуки...

Рассказ Пене Телемаку с Гермioneй: «Таинственный сын (Гектор) Париса и твоей матери Елены родился, когда ей было лет 30-31 – ему сейчас уже 37-38... Его отдали в 5 лет еще до конца войны Фебу так, чтобы никто не знал и сам он не считал себя принцем – как когда-то Париса - еще до конца войны... Наверное, вначале это был один из храмов Аполлона в Азии. Родители навещали его исподволь лет 10 – потом он исчез...»

Итака, Ставрос – день рождения Пене и Лены – 60 лет с того дня рождения, когда Калхас подарил им кукол. Куклы двоих целы на Итаке... у Пенелопы – обе целы и невредимы...

Служанки накрывают стол для гостей – Ифи с Электрой, Гермione с мужем (Телемаком)... Одиссей греется с на солнышке с хорошим вином в старом Троянском стеклянном бокале. Пенелопа зовет его: Оди, иди сюда. Ему лень вставать и он кричит, что его замучил ревматизм от долгих путешествий на старых судах... Она смеется: «Но тогда ты не увидишь Прекрасную Елену и Париса!»

Одиссей сразу же выздоравливает и почти бежит, придерживая себя за бок, к лестнице, идущей от пристани. Оттуда идет шикарный аристократически одетый Парис с Еленой в Троянском платье с ожерельем, которое ей подарил Приам. Выглядят они так лет на 40 от силы, а то и меньше.

Одиссей и Пенелопа намного грузнее, но сами веселы и нахваливают гостей. Все обнимаются – они не виделись три года. Первый вопрос Пене: «Откуда Вы теперь!?» Лена обнимает ее и шепчет: «Плывем из троянской колонии в Карфаго, побудем у вас, заглянем в Спарту и Афины – потом глянем на развалины Трои и в Тавриду – в Понт и в города по побережью – у нас там в есть секретная хижина на осеннюю погоду в древней сосновой роще Пицунды – детей бы туда свозить... Боги там древние и чужих не любят, но нас приняли.»

Пенелопа кличет Гермioneу с ее двумя мальчиками, Ифигению, Кассандру, внуков – вся компания обнимает вновь приплывших! Вернувшаяся пара долго обнимается с Гермioneй, зятем и внуками.

Среди гостей попадаются незнакомые люди и имена из самых разных углов Ойкумены, но лица чем-то напоминают давно памятных людей Трои, Афин, Микен... Пене потом шепнет Лене, чьи они родственники из 1250-60 годов.

Музыканты что-то играют, Одиссей и Парис уходят поговорить о прошлом.

Парис с Оди обсуждают политические тенденции последних десятилетий: «Арес, говорят, воюет в одном-двух днях пути за Милетом – сдерживает азиатов. Вообще дело Микенской цивилизации худо: первая волна была «народов моря», но как-то отбивались. Потом вторая волна внешних нападений с внутренними восстаниями – стало тяжело. Цари стали бежать в другие страны, где их грабили.»

Парис: «Мы многое видели с Леной – сделали за эти годы три полных круга вокруг Великого моря... зашли к Скифам и Германцам на Север. Были у Хеттов – в Индию не пошли – опасно, пустыни и там, говорят, жарко. Были в племени Медеи – вино у них хорошее. В Африке долго не продержишься – все-таки племена другие, хотя у нумидийцев очень славно, а в Ливии очень красивые озера и леса. Много было всяких событий – пришлось сражаться ... все время кто-то пытается Лену украсть – я стал бойцом, что к Аресу не стыдно в команду... Теперь и Гектор бы меня мог на эскадрон поставить – но только в рукопашные бои – я не стратег. Кстати и Лена стала бойцом – несколько раз меня спасала – «они» ее не могут оценить!»

Оди: «Они?»

Парис: «Ну во всех случаях разные, но всегда сильные, самонадеянные и грубые! Тут драться не придется? Отдыхаем?»

Одиссей: «Да уж отдохните. Спарта держится и прикрывает Итаку Мы тут держим гарнизоны на Керкире и вокруг на морях и берегах ... а на Востоке Моря все плохо... Наши боги или ослабли или им надоело нами заниматься... А без Трои сильно плохо! Правда, их инженеры строят стены и башни, а повара разошлись по всему Морю. Вот сегодня стол – как в Трое был во Дворце – повара оттуда.

Микенская культура еще держится на островах, пираты не могут одолеть спартанцев и Коринф, греки и троянцы понемногу заселяют Сциллу и Италию, Испанию и Африку. Милет процветает – построили Священную дорогу к Большому храму Аполлона в Дидиме – паломники ходят между львами!»

На террасу понемногу прибывают и боги в непритязательных хитонах: Афродита, Феб и Артемида, обнялись с Парисом и Одиссеем, обсудили новости между Олимпом и Греками в целом. Феб вздыхает: «Прежние времена ушли, без Трои нет толком торговли с Азией, микенская Греция хиреет, храмы еще не пустеют, но и прежней роскоши нет, цари обеднели в результате войны и за поколение не вернули былой славы.»

Артемида: «Да, все проиграли! Хорошо еще Зевс с Посейдоном остановили бойню – хоть землетрясениями. Но прогресс по культурным углам мира идет – на Крите в школе с помощью египетских жрецов – астроном научились по звездам плавать.»

Афина обещала прибыть, но вряд ли появится – все стесняется, заглядывает только тогда, когда Одиссей один дома. Но в Дельфах два храма заняты «конкурентным предсказанием»: Оракул Аполлона и Афины Прорицательницы. Стараются не конфликтовать. Гера почти не появляется и Зевса старается не пускать его к молоденьким нимфам и вообще «вниз». Посейдон – заглянул, выпил, плеснул волной и уплыл – «хорошо у вас, но высокогато и сухо, я уже отвык от суши совсем – нечего там делать – гоняю наперегонки с дельфинами для подвижности суставов!»

Вечер идет долго и не шумно – только тихая музыка да прибор. Поздравили Кузин с днем рождения, вспомнили Клитемнестру (просили богов за нее), родителей. Кли бы порадовалась на внуков... Ночь была светлая и теплая – Феб растянул закат часов на 12. Так бы все и закончилось, если бы в Полночь (или уже утром) Одиссей вдруг не хлопнул себя по лбу и не сказал: «Пене, как мы могли забыть!»

Пенелопа секунду смотрела на него непонимающим взглядом, потом охнула: «О, Зевс! Простите нас стариков – мы так обрадовались гостям, что забыли самое главное!» Всеобщее молчание и удивление: что самое главное?

Одиссей: «Мы забыли показать вам чудо и тайну, которая приплыла к нам три года назад – так что никто из вас, даже боги, похоже, не знают, в чем дело!»

Общий шум: «Ну, в чем дело!?»

Пенелопа кричит: «Лена!.. нет, не ты Сестра! Лена!»

И вдруг из верхних покоев дворца, в перепоясанной лентой рубашке и босиком сбежала вниз на террасу маленькая девочка, лет 4-5 по росту, русая

и синеглазая. Она явно не спала и подслушивала, ей явно хотелось персик. Так что она вежливо поклонилась, приветствовала звонким голосом, от которого у многих перехватило дыхание. Потом она прошла по хозяйски между богами и царями, взяла самый большой персик, шестью пальчиками ловко разломил его, выбросила косточку. Под локтем у нее была зажата кукла Елены. Вся компания протрезвела, онемела и лишь следила за ней. Девочка, предположительно Лена, двинулась в сторону Елены Прекрасной, на ходу откусила от одной половинки персика, а вторую протянул правой рукой знаменитой гостье и сказала: «Кушайте, пожалуйста! Правды ли, что Вы тоже Лена!? Как и я...»

По правде сказать, боги удивились Елене Малой больше людей. Афродита охнула, Аполлон и Артемида встали и вытянули шеи, Арес стукнул себя кулаком в грудь... Одиссей явно наслаждался произведенным эффектом... Парис впал в транс и не мог отвести глаз от этого чуда – перед ним была маленькая идеальная Елена в детстве с огромными синими глазами! Елена оказалась самой стойкой – она мигом поднялась, сделала шаг навстречу, взяла половинку персика левой, чуть откусила. А правой рукой она взяла маленькую ручонку, присела вровень и совершенно спокойно ответила: «Да, конечно, ты и я – мы обе Елены!»

Пенелопа потом объяснила, однажды три года назад к лестнице дворца прибило лодку: «Мы услышали легкий звон, я спустилась на пристань, потом Оди прибежал. Перед нами на берегу стояла козочка вполне греческого типа с бубенчиком, а рядом в лодочке сидела маленькая – полугодовалая примерно – девочка в платье и с шейной гривной с рубином, надетой на маленькую ножку. Рядом с ней сидел египетский милейший котенок (вот он – вырос) и испанский щенок (вон там спит - сытый). Никого ни на суше, ни на море – похоже на шутки богов, но за три года никто из богов не сознался!» Разумеется, мы держали ее появление в секрете, но у нас такое ощущение, что не мы ей обеспечиваем безопасность в это полуразрушенном мире прошлого, а она нам принесла уверенность и ощущение защищенности. Как она появилась, ни у кого голова не болит, ни сердце.»

Попросили девочку снять украшение с шеи «на минутку». Она это сделала без звука, но с изяществом, от которого у стариков перехватило дыхание – красота не исчезла в мире. Сошлись, что золото из Азии, большой алмаз в середине из Африки, а работа – троянская, но невероятно старая – «до Приама». Сходство двух Елен было поразительным – единственным ответом на загадку было: «Это внучка Елены от ее с Парисом исчезнувшего сына

Гектора, больше не откуда!» Боги кликнули Калхаса: «Ты обычно все знаешь и все видишь – кто она и что ее ждет!?»

Елена: «Парис, давно ты ничего не рисовал - нарисуй нас вместе – мне интересно, как я выглядела в 4-5 лет. Это явно наша общая внучка – может боги когда-нибудь найдут ее родителей. Кто у нее мать – вот загадка! Мне кажется, что они живут у совсем других богов (другой социум – другие боги), а ее отправили к нам в утешение или даже для того, чтобы порадовать наш Олимп. Только надо сказать Афродите, чтобы ничего ей не обещала – потом все трудно...»

Парис нарисовал красками на гладкой полированной доске – вышло потрясающе: Малая Лена на коленях у ее Большой доброй копии и огромный серый кот у нее на коленях! Потом Малая встала на каменную скамейку – почти вровень с бабушкой – и глубокомысленно рассудила: «Я знала, что вы когда-нибудь приедете и расскажите мне про Троию... а я вырасту и поеду сама посмотреть... еще тетя Пене обещала мне свозить летом в Спарту и на Крит... А когда вы возьмете меня куда-нибудь с собой?»

В процессе бесед все понемногу тянули разбавленное виноградное вино и настойки на фруктах (сливовые и персиковые) и закусывали. Тосты были за день рождения Лены и Пене, за родителей, за добрые старые времена, за Спарту и Троию. Между делом принесли несколько больших деревянных подносов с чудесными персиками. И Парису пришла в голову идея: «Лена, Пене, Гермiona, Лена, Оди идите сюда – какие персики!» Он внимательно смотрел, как они их разламывают – он помнил их первую встречу в Спарте в незапамятные годы.

Парис: «Дорогие дамы, Оди – это удивительно – все едят персики по-своему, но только Лена Малая разламывает персик шестью пальчиками также, как и Лена, хотя она никогда не видела, как та делает это. Наследственность!»

Сестры и Гермiona не виделись больше трех лет, так что окружающие их и не понимали – доносились лишь короткие обрывки фраз: «Афродита конечно! ... В Египте долго не проживешь – трудно ... бродим не торопясь ... Арес в крайнем случае ... Ифи уже бабушка ... В Тавриде зимой не очень ... В Трояду раз съездили – одно расстройство ... Микены и все микенское рушится как песочные замки – будто Мемнон разом разрушил хрупкий фундамент того мира ...

Пене очень добрая – и меня растила, и мальчиков моих... мне всегда хотелось девочку – оставь нам Лену еще хоть на несколько лет... она так быстро растет и так быстро умнеет ... я пугаюсь иногда... она решительная как Кли, добрая как Пене, но поворотливая, ловкая, уверенная как ты, мама... мальчики походи на отца и на деда-Менелая – он был очень красив сам по себе, а эта точно ты... но хотя в глазах синева твоя, а их глубина – от Париса, думаю...

Учу детей – мне их привозят под чужими именами – чтобы пираты не взяли в заложники... надолго ли? Нет, чаще всего на пару месяцев осенью на фрукты плюс что-то вроде экзаменов и ударного курса философии, а элементарной грамоте, плаванию так все учат по домам... конечно, они все разные по возрасту и способностям... огромное удовольствие мне... и надежда, что они потом не будут воевать друг с другом...

И Оди старается быть дома в эти периоды... Дети просто балдеют от того, что сам Одиссей читает лекции по географии, Троянской войне, мореплаванию... то есть вы практически спасаете нашу культуру! ... Это сильно сказано, да и тексты и рисунки-то ваши ...»

Старые друзья Оди и Парис явно соскучились по старым делам, с их угла слышалось: «Троянцы разбрелись... Посейдон вас прикрывает от пиратов? ... да-да Сам прислал стаю дельфинов, и мы с ними просто улетели ... Таврида? ... ты же знаешь, как там весной хорошо у Ифи в Понте ... скифы?.. а что – у них степь, вода и солнце – их не достанешь... Микены – жалко Микены, но Мемнон преступил все границы... Девочка явно твоя внучка через Гектора. Есть три вопроса: кто мать девочки; где он и она, откуда гривна; как и зачем они «подбросили» девочку. Хотя, думаю, в целом ясны намерения отца, матери или того, кто ее прислал таким необычным образом: отдать ее дедушке с бабушкой, знаменитым Парису и Прекрасной Елене, чьей копией она является!

Парис – мы вас так ждали! ... не надо благодарить – такая радость Пене и мне... долго вы будете бродить по миру? ... пока ноги идут и вино бодрит? ... не забывайте – я тут корабли модернизирую – обещаю каюту с комфортом... теперь к внучке – почаще... да мы летом плаваем, а зимой прячемся в лесах – срубили себе с помощью богов (больше Ареса) несколько больших домов – дерево, но зато тепло и безопасно в горах. Вообще Арес теперь больше не в атаке как бывало... но остатки своего мира защищает... как-то нас отбил от конных варваров из степей».

Парис и Елена все время были на виду и почти не могли перекинуться парой слов... Но Елена вдруг погрузилась: «Парис, а теперь бы я не отказалась от небольшого царства, знаешь – островок, дворец и сад... может, нам теперь небольшое царство пригодилось бы», но где его взять и так, чтобы безопасно было.

Парис кивнул: «Мда, пора думать о будущем – есть из-за кого...»

Старые друзья пересели к богам, и вся компания болтала между собой так, будто тоже три года не виделись. Оттуда долетали такие же легко понятные и ахейцам и троянцам обрывки фраз: «Ну ты все такая же... нет, все меньше сумасбродств и у меня, и у людей – они стали скучными... торгуют конечно, но есть огромная разница между царями от природы и богатеями от торговли... Оди – ты один остался великий путешественник – да Охотница, конечно! Зевс, думаю, еще лет двести будет отдыхать – потом вернется. Арес, ты велик, но нет больших воинов в Греции уже целое поколение! Будешь ждать? – Конечно, еще будут греки с амбицией, стратегией и мощью! А пока, пожалуй, переберусь я сторожем в Адриатику... на Спарту, Керкиру, Итаку и малые острова наших сил хватит...»

Парис с Фебом славно выпивали и толковали о прекрасном: «Как хорошо, что Вы взялись за Кифару, хотя статуи в храмах все еще больше с луком... Да, но воевать не с кем – нет титанов, а музыка вечна. Ты Принц – молодец, что рисуешь – в отличие от лука, который требует гнева, кисточкой можно пользоваться в любом настроении... ты складываешь рисунки?.. Лена собирает мои рисунки в зависимости от материала и темы... то есть?.. ну, Троя, Война, Любовь (она!), путешествия, портреты богов и богинь, воинов и моряков, картины к Подвигам Геракла и Аргонавтам... покажи!.. они у Лены – завтра утром попрошу...»

Тут Калхас прилетел, посмотрел на Елену Малую, все сам понял, отключился в транс, вернулся из него и честно сказал: «Не знаю, кто она! Это чудо, но чудо счастливое! Но какая тайна – даже от меня! Так бывало – хотя очень редко, когда боги нескольких народов вокруг Великого моря разом решили скрыть что-то от людей и от себя. Малую Лену и Гектора могут охранять от нас боги Германцев, Скифов, Хеттов, Египта, Нубийцев, Африки, Понта. Они эту роль передают друг другу в случае перемещения того лица, которое под такой защитой, так что никто и видит его.»

Лена: «Калхас, что ты хотел сказать шестьдесят лет назад, когда подарил нам троим кукол. Моя уже от Гермiony перешла к этой внезапной Лене, Пене свою давно отдала внучкам, а Кли свою сожгла. Они не опасны?»

Калхас долго молчал: «Я понимал тогда, что вы трое – девочки не простые и от вас будет многое зависеть. И мне хотелось увидеть будущее через них до того, как вы сами наломаете дров (древняя греческая идиома). Я видел риски у Клитемнестры, относительно устойчивое будущее у Пенелопы, но ничего так и не увидел у тебя ни тогда, ни потом, ни сейчас. Ты – тайна, Парис – тайна и эта Крошка – тайна. Куклы помогли вам, поскольку поддерживали вашу идентичность. Не волнуйся – Кукла не повредит твоей внучке! Кукле на вид стало не 60, а этак 10-12... Кукла и ее новая хозяйка быстро вместе растут.»

Пока все это обсуждалось с участием Елены, крайне озабоченной своим внезапным счастьем и предсказаниями обретенной внучке, девочка оседлала Париса, и они побежали вниз по склону – потом вернулись. И Лена Малая умозаключила: «Нам не надо бегать вверх-вниз – тебе тяжело после Троянской войны, и я уже большая. Будем кататься на тебе на ровном месте!»